

Елена Березович, Галина Кабакова

Россия и Франция: диалог языковых стереотипов¹

В статье контрастивно изучаются культурно-языковые образы француза и «французскости» в русском языке, русского и «русскости» во французском. Анализируется ядро языковых образов — системно-языковые факты, во внутренней форме которых есть прямое указание на «русскость» или «французскость»: в русском языке — производные от этнонимов *француз*, *галл* и топонима *Париж*; во французском языке — производные от слов *Russe*, *Russien* 'русский', *Cosaque* 'казак' → 'русский военный' → 'русский', *Moscou* 'Москва', устар. *Moscovite* 'житель Москвы, русский'; кроме того, в поле внимания авторов попадают устойчивые сочетания, в состав которых входят указанные слова. Рассматриваются тематические сферы вторичной семантики: *природа*, *история*, *материальная культура*, *досуг*, *духовная культура*, *человек социальный и физический*. Авторы выявляют мотивацию языковых фактов и анализируют оценочную составляющую их семантики.

Ключевые слова: этнолингвистика, мотивология, этнонимическая и топонимическая деривация, русско-французские языковые контакты, языковой стереотип, деривационное гнездо.

На протяжении истории контактов России и Франции (истории длительной и яркой, в которой было все — культурные, экономические, политические связи, военные столкновения и союзничество, ненависть и дружба) в сознании народов обеих стран сложились культурно-языковые стереотипы, определяющие восприятие друг друга. Эти образы многогранны, они включают разные тематические зоны: осмысляются личности русского и француза, особенности материальной и духовной культуры стран, их природного мира, истории и проч. К изучению этих образов не раз обращались представители разных гуманитарных дисциплин, но настоящее исследование имеет два существенных отличия от работ наших предшественников.

Во-первых, языковые образы будут рассматриваться не изолированно, а контрастивно («французское» в русском языке и «русское» во французском). Такое рассмотрение поможет сравнить те значения и группы значений, которые выражаются в языках через указание на «французскость» или «русскость» (и, соответственно, найти лакуны в одном из языков на фоне другого). Кроме

Елена Львовна Березович
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург
berezovich@yandex.ru

Галина Ильинична Кабакова
Университет Сорбонна —
Париж 4
galina.kabakova@paris-sorbonne.fr

¹ Работа выполнена в рамках программы конкурентоспособности УрФУ (2013–2020), научная группа «Народная языковая традиция как источник историко-культурной информации».

того, может быть сопоставлена оценочная составляющая образов. Тем самым мы надеемся прояснить логику «взаимного отражения» языковых стереотипов.

Во-вторых, из всего многообразия лингвокультурного материала, который мог бы подвергаться анализу, решено отобрать только те системно-языковые факты, во внутренней форме которых есть прямое указание на «русскость» или «французскость». В русском языке это семантические и семантико-словообразовательные дериваты от этнонимов и топонимов *француз*, *Франция* (с учетом образований от диалектных или устаревших основ *хранц-*, *хранз-*, *пранц-*, *франч-*, *франк-*), устар. *галл* ‘француз’, *Париж*; во французском языке — производные от слов *Russe*, *Russien* ‘русский’, *Cosaque* ‘казак’ → ‘русский военный’ → ‘русский’, *Moscou* ‘Москва’, устар. *Moscovite* ‘житель Московии, русский’, *Sibérie* ‘Сибирь’ (в своих вторичных значениях «сибирское», как правило, приравнивается к «русскому»). Таким образом, в центре нашего внимания — слова типа *хранцүз*, *францүз* ‘ткань ярко-красного цвета, кумач’, *хранцöля* ‘сдоба’, *парижáны* ‘нарядные выездные сани’, *russe* ‘кастрюля с вертикальными стенками, длинной ручкой и крышкой’, *la cosaque* ‘разновидность чардаша’ etc. Выбор таких топонимов, как *Париж*, *Moscou*, *Sibérie* (помимо собственно названий государств), определяется тем, что они являются своего рода «визитной карточкой» страны. Ограничение материала топонимическими и этнонимическими производными (а также фразеологией с участием изучаемых топонимов, этнонимов и их дериватов) позволит выделить ядро языковых образов России и русского, Франции и француза.

Аналізу подвергаются также устойчивые сочетания, включающие указанные выше слова, например: *французский поцелуй* ‘пирожное из взбитых сливок’, *одеваться по-парижски* ‘одеваться изысканно, модно’, *парижский платок* ‘нарядный цветастый (обычно красный) платок из покупной материи’, *пролететь как фанера над Парижем* ‘потерпеть неудачу, провалиться, проиграть’, *sabots russes* (русские сабо) ‘галoши’, *côtelette de saumon à la russe* (стейк из лосося по-русски) ‘стейк под майонезным соусом с икрой, кусочками омара или лангусты’ и т.п. В приведенных примерах есть определенная (более или менее высокая) степень идиоматичности, но имеются такие устойчивые сочетания (чаще всего атрибутивные конструкции), где идиоматичность минимальна: допустим, *французский сыр*, *французский роман*, *lévrier russe* ‘русская борзая’ и т.п. (речь идет о реалиях, которые имеют русское или французское происхождение — делаются или создаются во Франции, выводятся в России etc.). По отношению к ним принято такое решение: берутся в расчет те сочетания, которые частотны, а также об-

ладают смысловой и образной «достаточностью»¹, не требуют пояснений, поскольку за ними обычно стоит известная носителям языка «картинка». Примером может служить сочетание *французские сыры* (оно не только часто встречается в русском дискурсе, но и рисует яркий образ², а также подается как своеобразная национальная «пищевая эмблема»³), в отличие от сочетаний типа *французская колбаса*, *французские овощи* или *французское молоко*, которые встречаются единично, а стоящие за ними реалии не имеют, кажется, лингвострановедческого потенциала. Таким образом, если *французские сыры* и т.п. будут приниматься нами во внимание, то другие из названных выше сочетаний не будут. Изучаемые сочетания далеко не всегда фиксируются словарями (в том числе фразеологическими), поэтому авторы статьи широко использовали для извлечения и верификации материала текстовые корпуса — Национальный корпус русского языка [НКРЯ] и [Frantext]⁴.

К анализу привлекается также ономастический материал — антропонимы (индивидуальные и коллективные прозвища) и топонимы, образованные от указанных выше основ. Логика отбора ономастического материала та же, что апеллятивного: рассматриваются те имена, которые содержат дополнительные коннотации, несут память о знаковых для русско-французской истории событиях etc.; не принимаются во внимание онимы, которые имеют сугубо метонимический смысл («относящийся к Франции / французам, России / русским») без дополнительного коннотативного «прироста»⁵.

¹ Об использовании этого критерия при изучении национальных стереотипов, отраженных в сочетаниях типа *английская чопорность* или *французская галантность* (но не **русская аккуратность*), см.: [Плунгян, Рахилина 1996].

² Ср.: «[Д]ырчатые *французские сыры*, прельстительные, как французская любовь, прелесть которой никто, однако, не может выразить словами» (В. Голованов); «Я долго томился сомнениями, глядя на честных интеллигентов, старая мудрость которых выдерживается, подобно *французскому сыру*, в уюте кабинетов с Толстым над столом» (И. Эренбург) и т.п.

³ Ср.: «Однако у вас не будет здесь ни английского чая, ни итальянского прошютто, ни французских сыров, ни американских сигарет, ни шотландского виски» (В.П. Аксенов).

⁴ Примеры, извлеченные из этих источников, не паспортизируются; «по умолчанию» предполагается, что русские контексты приводятся по [НКРЯ], а французские — по [Frantext].

⁵ К примеру, не будет учитываться *Французская Горка* в Челябинской области, где французская компания вела добычу асбеста <http://www.карта74.рф/tourism/sights/francuzskaya_gorka>: данный топоним не содержит память о знаковых событиях и не отражает какой-либо коннотативный смысл прилагательного *французский*. По той же логике не будут привлекаться к анализу такие названия, как *Cité-Russe* (Русский городок) — квартал, построенный в Моншанэне для русских рабочих металлургического завода Шнейдера в Крезе [Rigault 2008: 199]; *Petite Russie* (Малая Россия) — группа домиков, выстроенных на крыше таксопарка в Париже для русских эмигрантов-таксистов, и др. Однако будут рассматриваться такие названия, как *Французская Могила* в Рузском р-не Московской обл., *Французова Новина* в Вологодской обл. и др.: соответствующие объекты связываются с войной 1812 г. (в первом случае связь является реальной, во втором — вымышленной). Коннотативный смысл топонима отражен, например, в наименовании *Vallée-de-Russie* (Русская долина) в департаменте Приморская Сена — место, куда зимой не проникает солнечный свет; такие онимы тоже попадут в поле нашего внимания.

Не привлекаются к анализу также обозначения торговых марок и названия товаров, фирм etc.: это особая многочисленная номинативная группа, которая должна стать объектом отдельного исследования. Так, во Франции в период постепенного сближения с Россией (а затем и франко-русского союза), с 1890 по 1915 г., во всех отраслях экономики было зарегистрировано около 800 марок, так или иначе связанных с Россией [Krauss 2007: 336–337]. К примеру, в кулинарную лексику, особо чуткую к смене мод, попали такие названия, как *entremets franco-russe*, *crème franco-russe* (франко-русский десерт, франко-русский крем). В некоторых случаях такие наименования берутся для того, чтобы подтвердить коннотации, заложенные в апеллятивной лексике (ср., например, название дореволюционных конфет «Парижский шикъ», образованное от соответствующей фраземы).

Разумеется, авторы не претендуют на исчерпывающую полноту собранного материала. Современная база источников не дает возможности представить во всем объеме, к примеру, ономастические данные. При сборе топонимии авторы использовали картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета [ТЭ], которые позволяют с достаточной степенью подробности воссоздать систему географических названий Русского Севера и Среднего Урала, но данные по другим территориям представлены в нашей работе крайне фрагментарно. То же касается французских примеров: авторы привлекали к анализу материалы словарей серии “*Dictionnaire topographique de la France*” («Топографический словарь Франции»), составленных по департаментам; однако на сегодняшний день они охватывают лишь треть департаментов. Таким образом, топонимические данные могут расцениваться как отдельные характерные примеры. Материал по апеллятивной лексике собран с большей степенью фронтальности, но, повторим, гарантии полноты не могут быть предоставлены. В то же время складывающаяся картина вполне показательна, и, думается, дополнительные факты, которые будут найдены в дальнейшем, помогут внести в нее частные коррективы, но не изменят концептуально.

Важный вопрос, связанный с отбором материала, касается форм существования языка и дискурсивных пластов, к которым относятся изучаемые лексические единицы. Авторы нацелены охватить разные подязыки внутри изучаемых национальных языков, но в первую очередь ориентируются на народную традицию, которая представляется наименее изученной, хотя содержит сведения, наиболее ценные для реконструкции этнических стереотипов. Отсюда установка на возможно более полный учет данных русских и французских диалектов. При-

влекаются факты просторечия, жаргонов и литературных языков, но при этом у нас нет установки включить в работу слова и фразеологизмы сугубо книжной традиции, специальные термины, которые не подтверждаются контекстами, относящимися к разговорно-бытовому стилю или стилю художественной литературы (допустим, не берется название растения *французский райграс высокий*, являющееся принадлежностью ботанической номенклатуры и не встречающееся вне специализированного дискурса).

Материал структурирован по крупным тематическим разделам, внутри которых в случае необходимости выделяются более частные рубрики:

I. Природа (Климат; Флора; Фауна; Металлы и минералы).

II. История.

III. Материальная культура (Общая характеристика материальной культуры; Одежда, ткани, обувь; Косметика, парфюмерия, прически; Гастрономия; Бытовое окружение; Транспорт).

IV. Досуг, духовная культура (Игрушки, игры, развлечения; Духовная культура).

V. Человек социальный и физический (Черты характера, поведение; Болезни; Внешний вид; Язык; Уровень жизни, благосостояние).

В каждом разделе (рубрике) сначала приводится русский материал, затем французский (в некоторых случаях частные рубрики оказываются представленными данными только одной языковой традиции), а далее следуют выводы сопоставительного характера.

I. Природа

Климат

Французский язык. Россия воспринимается как северная страна с холодным климатом. Например, в жаргоне типографов самое холодное помещение, куда отправляют подмастерьев, называлось Сибирью (*Sibérie*) [Perret 2002: 289]. Русская тема присутствует и во французской микропонимии. Особый интерес представляет отмеченный в департаменте Приморская Сена ороним *Vallée-de-Russie* (Русская долина). Название объясняют тем, что зимой сюда не проникает солнечный свет [Robillard de Beaurepaire, Laporte 1984: 1023]. Кроме того, Россия может выступать и пространственным ориентиром. Так, в Шампани был зафиксирован термин *vent de la Russie* (ветер из России) 'восточный ветер' [Taverdet 1984: 121].

Сильный холод, мороз определяются как «сибирский холод» (*froid sibérien, froid de Sibérie*), ср.: “Il fait un froid sibérien et la Seine chargée des glaçons” («Холод сибирский, и Сена местами покрывается корками льда» — В. Groult, F. Groult). В том же значении («сильный» — применительно к холоду или зиме) могут использоваться и другие «русские» прилагательные, такие как *moscovite* и *cosaque*: “Eh bien! malgré ce *froid* claustral et *moscovite*, la première chose que je vis en entrant dans l’église fut une Espagnole à genoux sur le pavé, qui d’une main se donnait des coups de poing dans la poitrine et de l’autre s’éventait avec une ferveur au moins égale” («И что же? Несмотря на монастырский “московский” холод, первое, что я увидел, войдя в церковь, была испанка, которая, стоя на коленях, одной рукой била себя в грудь кулаком, а другой не менее рьяно обмахивала себя веером» — Th. Gautier). Жестокость и суровость, которые приписываются казаку (см. раздел V), могут переноситься и на характеристику природных явлений, ср.: “Nous avons ici un horrible froid; l’hiver n’est pas ordinairement aussi *cosaque*, mais il aura voulu se mettre à la mode” («У нас здесь свирепствует страшный холод, зима обычно не бывает такой суровой (букв. “казацкой”), но и она решила следовать моде» — Mme de Chateaubriand). Ср. также: “Cette dernière assertion semble contredite par l’effet du *froid de Russie*” («Это последнее утверждение вступает в противоречие с последствиями сильного (“русского”) холода» — D. Diderot).

Флора

Русский язык. Среди немногочисленных «французских» названий растений преобладают цветы. Русскому литературному языку известна *французская роза* — так называют обыкновенную красную садовую розу, являющуюся самым древним видом роз и «матерью» всех современных видов, т.е. «архетипическую» розу, ср.: «Роза — ужасно *французский*, преимущественно *французский* цветок. “La belle au bois dormant” — все замки, и Версаль, и романы Ренье, и античность Франса, все это роза» (М.А. Кузмин). В литературном языке отмечено также сочетание *французская смолёвка* ‘растение семейства гвоздичных’ [ССРЛЯ XVI: 1557].

В народной языковой традиции (говорах Среднего Урала) фиксируется фитоним *француз*: «Француз — это длинный цветок, малиновым цветет, его еще солдатом зовут» [ДЭИС]. Вероятно, в номинации отражен «антропоморфный» вид цветка, напоминающего французского солдата (ср. параллельное название *солдат*). Известно, что одним из элементов обмундирования в армии Наполеона были красные султаны на головных

уборах. Вдруг эта деталь «сработала» при выборе наименования цветка? Еще одно народное название *француз*, обозначающее комнатный цветок, отмечено в говорах Алтая: «Француз — цветок раньше был, щас я ни у кого не вижу, он зелененький, а цветочки желтеньки» [СРГА IV: 190]. Мотивировка здесь неясна.

Другая группа «французских» названий растений представлена в литературном языке и обозначает различные огородные культуры, которые, очевидно, выращивались во Франции: *французская мята*, *французский ремень* [ССРЛЯ XVI: 1557], *парижская каротель* ‘ранний сорт моркови, пригодный для выращивания в северных районах’ [ССРЛЯ IX: 187]. В литературе XIX — начала XX в. не раз упоминается *французский горошек* (*горох*) ‘зеленый горошек’: «А ее сестры милосердия разводили породистых цыплят, выращивали французский горошек, чайные розы» (А.Б. Мариенгоф); «Сановники в мундирах с золотым шитьем, кавалеры, фрейлины, генералы облепили его, как патока, поздравления, пожелания, приветствия посыпались мелким французским горохом» (Ю.Н. Тынянов). Как указывается в литературе по ботанике, во Франции его подавали аристократам как деликатес, а в XVIII в. эта мода пришла и в Россию. Есть контексты, говорящие о том, что *французский горошек* (*горошек по-французски*) считался весьма привлекательным блюдом: «Если б это было ей на кофе, на чай, детям на платье, на башмаки или на другие подобные прихоти, она бы и не заикнулась, а то на крайнюю нужду, до зарезу: спаржи Илье Ильичу купить, рябчиков на жаркое, он любит французский горошек...» (И.А. Гончаров); «Она разденется тогда, когда этого пожелает заказавший ее своему воображению мужчина, — так заказывают в ресторане “стерлядь кольчиком” или “горошек по-французски”» (А.Б. Мариенгоф).

Французский язык. Во французской фитономенклатуре используются термины, указывающие на «русское» или «сибирское» происхождение некоторых видов культурных растений, которое на поверку не всегда оказывается таковым. Так, ячмень рисовый (*Hordeum Zeocriton*) может называться *orge de Russie* (русский ячмень) и *riz d'Allemagne* (немецкий рис) [Анненков 1878: 170]; польская пшеница (*Triticum polonicum*), наряду с «официальным» названием *froment de Pologne*, известна также и под другими названиями: *blé de Russie* (русская пшеница) и *seigle de Russie* (русская рожь), *seigle de Pologne* (польская рожь), *seigle de l'Ukraine* (украинская рожь), *seigle d'Astrakan* (астраханская рожь); несмотря на свои восточнославянские определения, она происходит из Северной Африки (откуда и другое ее название *blé de Mogador* — могадорская рожь) [Анненков 1878: 362; Vilmorin 1880: 144]. Гречиха

татарская (*Polygonum tataricum*), родом из Сибири, известна под названием *sarrasin de Tartarie* (татарская гречиха), *sarrasin de Sibérie* (сибирская гречиха), а в обиходе — *sibéri(e)* (Сибирь) [Rolland 1912: 179]. В фитонимии упоминается также и «казак»: *cosaque* выступает названием одной из озимых разновидностей овса.

Фауна

Русский язык. Что касается названий «французских» животных, то они еще малочисленнее, чем названия растений. В литературном языке фиксируются обозначения некоторых пород животных, которым приписывается французское происхождение. Это собаки (*французский бульдог*, *французская болонка*, *французская овчарка*¹), лошади (*французская лошадь*²), кролики (*французский баран*, названный так за относительные крупные габариты).

В архангельских говорах зафиксировано название рыжего таракана *француз* [КСГРС], которое вписывается в ряд других «тараканьих» ксенонимов³: литер. *прусак*, арх. *немец*, *француз*, *чудак* (< *чудь*), влг. *пошехон*, пск. *киргиз*, влг. *цыган*, пск. *швед* и проч. (см.: [Березович 2007: 426–428]). Мотивация *француза* (как и других названий этого ряда) объясняется свойствами тараканов, роднящими их с иностранными захватчиками: вредоносностью, множественностью, «колониальным» способом перемещения в пространстве и способностью внезапно вторгаться в жилище человека [Березович 2007: 428].

Французский язык. Во французской фаунистической лексике определение «русский» приблизительно указывает на место происхождения соответствующего вида. Из всех так называемых «русских» животных наиболее популярным стал «русский кролик» (*lapin russe*) или просто «русский» (*russe*) [Meyer 2007]. Как и во многих других случаях, определение «русский» неточно. В действительности порода завезена в Европу из Китая, но промежуточным звеном выступала Россия. Во Францию и название, и сама порода пришли из Англии, где синонимом *Russian warren* выступают *Himalayan*, *Chinese*, *Polish*. «Русский»

¹ «Неркой звали суку *французского бульдога*, которую отец Федор с преогромным трудом купил за 40 рублей на Миусском рынке, в Москве» (И. Ильф, Е. Петров); «За спиной у девочки вырастают две собаки — боксер и огромная *французская овчарка*» (А. Торгашев).

² «*Французские лошади* весною хотя бодры, но в ночном карауле чинят много тревоги; кобылы весною, когда жеребята сосут, бывают худы; однако ж для конского разводу надобно их держать» (М.В. Ломоносов); «Здесь же была и последняя станция на *французских лошадях*» (В.П. Боткин).

³ Под *ксенонимами* понимаются лексические единицы (как правило, этнонимы или этнонимические дериваты), в мотивации которых отражено обобщенное представление о чужом этносе [Березович 2007: 407].

кролик отличается белым окрасом, черной мордочкой и лапами. Во фразеологию вошли его красные глаза: (*avoir*) *les yeux (rouges) comme un lapin russe* (глаза (красные), как у русского кролика) или (*avoir*) *les yeux de lapin russe* (глаза русского кролика) ‘о красных от усталости, пьянства или слез глазах’¹.

Номенклатура «русских» животных включает также *hamster russe* (*Phodopus sungorus*) ‘джунгарский хомячок’, который пришел в Европу из Средней Азии; *lévrier russe* ‘русская борзая’, действительно выведенная в России; *chien d’ours russe* ‘русская медвежья собака, крупная собака, используемая в охоте на медведей и оленей в Северной Европе’ [TLFI], о происхождении которой точно ничего неизвестно; *petit chien russe* (маленькая русская собачка) или *Russkiy Toy* (русский той) ‘русский той-терьер’.

Из семейства кошачьих популярна *bleu russe* ‘русская голубая кошка’, которую вроде бы вывезли в Англию из Архангельска в 1860-е гг. По-настоящему разводить ее стали в Англии и Скандинавии, а усовершенствовали породу в США. Из англо-саксонского мира порода разошлась по другим странам, в том числе появилась во Франции в 1925 г., но под именем *chat de Malte* (мальтийская кошка), а международное «русское» название утвердилось здесь только в 1939 г. Внутри породы выделяются подвиды *russe blanc* (русская белая) и *russe noir* (русская черная). Упомянем также повсеместно известного сибирского кота (*sibérien*), пришедшего на Запад и в самом деле из Сибири.

Из Южной Америки пришла мускусная утка (*Cairina moschata*, англ. *musk(y) duck*), название которой в английском языке трансформировалось в *Muscovy Duck* (московская утка), откуда перешло во французский диалект Джерси: *Moscovie* (московия) или *canard de Moscovie* (московская утка). Во французском языке она фигурирует под разными «иноземными» названиями: *Muet de Moscovie* (московский немой) из-за своего тихого голоса (или просто *canard muet*), но также *canard de Guinée* (гвинейская утка), *canard du Caire* (каирская утка), *canard turc*, *canard de Turquie* (турецкая утка), *canard d’Inde* (индийская утка), *canard de Lybie* (ливийская утка), *canard de Barbarie* (варварская утка) [Valmont-Bomare 1791: 645; Jussiau et al. 1999: 68, 358].

Особое место в этой зоонимии занимает «русский медведь», *ours russe*, который не относится к определенной породе,

¹ Ср.: “Iris vient de frapper à la porte de ma chambre. — Tu n’as pas un collyre? J’ai les yeux irrités. Délicate euphémisme: elle a des yeux de *lapin russe*! — Ce sont tes lentilles? — Non... pas vraiment. Ma question est idiote: je sais que les lentilles sont incompatibles avec les larmes” («Ирис постучалась ко мне в комнату. — У тебя нет капель? У меня глаза щиплет. Мягко сказано: у нее красные глаза (букв. “глаза русского кролика”). — Это от линз? — Да нет... Дурацкий вопрос, ведь линзы несовместимы со слезами» — F. Dorin).

а с XVI в. служит символом России и русских как политической силы¹.

Наконец, «русский» след можно найти и в терминологии насекомых, где *cosaque* означает ‘шершень’ в Бургундии [Taverdet 1988: 56], а *abeilles russes* (русские пчелы) — ‘вши’ в солдатском жаргоне Первой мировой войны. Не исключено, впрочем, что это калька с нем. *russische Biene* с тем же значением [Esnault 1919: 33–34].

Металлы и минералы

Русский язык. Сочетание *французское золото* ‘самое плохое, низкопробное’ [Даль IV: 538] не имеет под собой, по всей видимости, никаких реальных оснований, но является ксенонимическим, трактуя французское как «фальшивое», «негодное» etc.²

Французский язык. В номинации калиевой слюды (мусковита) — фр. *moscovite*, *Moscovie*, *verre de Moscovie* (московское стекло) или *verre de Russie* (русское стекло) — отразилось место происхождения минерала: именно из России слюда доставлялась в Европу для изготовления стекла. Термин *muscovite*, вошедший в научную номенклатуру во всем мире и во Франции в частности, был создан в 1850 г. английским минералогом Дж.Д. Дана.

Комментарий

Большая часть приведенных в данном разделе «русских» названий (и в меньшей степени «французских») функционирует преимущественно в терминологии литературного языка, лишь в некоторых случаях проникая в народную речь. В основе номинативных моделей здесь лежит указание на географическое происхождение того или иного вида. Создается впечатление, что и «французская» этиология, и «русская» в целом являются, как правило, позитивным знаком, хотя и с разными коннотациями. «Французское» происхождение розы и «прочей каро-

¹ Ср.: “Voilà qui est fort! s’écria-t-il, voir la catastrophe à l’ouest quand elle est à l’est. Robespierre, je vous accorde que l’Angleterre se dresse sur l’Océan; mais l’Espagne se dresse aux Pyrénées, mais l’Italie se dresse aux Alpes, mais l’Allemagne se dresse sur le Rhin. Et le grand ours russe est au fond” («Это уж чересчур! — воскликнул он. — Ждать катастрофы с запада, когда она грозит с востока! Я согласен с Вами, Робеспьер, Англия может подняться из-за океана, но ведь из-за Пиренеев подымается Испания, но ведь из-за Альп подымается Италия, но ведь из-за Рейна подымается Германия. А там вдали — могучий русский медведь» — V. Hugo).

² Данная модель реализуется с участием различных этнонимических прилагательных, ср. рус. *американское золото* ‘топак — дешевая имитация золотого покрытия’, *еврейское золото* ‘сплав, имитирующий золото’, польск. *złoto żydowskie* ‘соединение серы и олова, используемое для покрытия бронзой’, англ. *Dutch gold* (голландское золото), *Gipsy gold* (цыганское золото) ‘отражение огня на посуде из драгоценных металлов’ и др. [Березович 2007: 436–437].

тели» служит знаком приобщенности к миру изысканности и утонченности. «Русская привязка» в номенклатуре животных и растений выступает скорее как знак экзотики, о чем свидетельствует включение некоторых терминов в парадигмы столь же экзотических определений, причем отсылающих к самым разным странам и континентам. Указания на происхождение из России (или Сибири) могут носить как реальный, так и вообразимый характер. В некоторых случаях Россия оказывается лишь промежуточным звеном в распространении того или иного вида.

Особый интерес представляют ксеноназвания насекомых в русском и французском диалектном пространстве, которые реактивируют восприятие француза и казака как опасного врага. Определение «русский» может также служить «снижению» образа «благородного» насекомого. Реминисценции военного прошлого обнаруживаются и в некоторых простонародных русских названиях цветов.

Что касается погодных образов, то вполне предсказуемые «русско-сибирские» коннотации появляются во французском языке при характеристике морозов. Любопытно, что при номинации природных объектов может проявиться восприятие России как царства не только холода, но и тьмы. В России, напротив, никакого определенного образа французского климата в номинации не отразилось.

II. История

Русский язык. Из обозначений событий французской истории яркий след в литературном русском языке оставило сочетание *Парижская коммуна*, ставшее основой многих имен собственных — в первую очередь, названий колхозов, артелей и проч., появившихся в 20–30-е гг. XX в. Известны также обувная фабрика под названием «Парижская коммуна» в Москве, одноименный завод фанеры и гнутоклееных изделий в Ярославле, линкор времен Великой Отечественной войны (называвшийся также «Парижанка» [Коровушкин 2000: 204]) etc. Эти имена, по замыслу их создателей, должны были продемонстрировать солидарность русских революционеров с французскими и интернациональный характер революционного движения.

Разумеется, самое масштабное отражение в русском языке получили не собственно французские события, а те, которые разворачивались между двумя странами, — события войны с Наполеоном, которая в просторечии называлась *француз, французское разорение* [ЯСМ: 641–642]. Слово *француз* (обычно в составе конструкций *до француза, с француза, после француза,*

во время француза и др.) метонимически обозначало время этой войны; соответствующие контексты встречаются в XIX — начале XX в., а затем они постепенно утрачивают свою дифференцирующую силу, уступая место указаниям на более «свежие» события: «Не умею сказать, сколько минуло тому лет, только это случилось давно, еще до француза» (Т.Г. Шевченко); «[И]мя ихнее старинное, дом у них до француза еще был и теперь стоит» (И.С. Шмелев); «Поди, Дурдилка, возьми у кавалера говядины, она у него с француза еще в зубах застряла» (Г.И. Успенский); «Лет через пять после француза <...> нашли мы старый мой студенческий мундир» (А.В. Чаянов); «Родился он в 1812 году, во время француза, и, следовательно, теперь ему с лишком семьдесят лет» (М.Е. Салтыков-Щедрин) и др.; ср. также выражение *Это было, когда француз воевал* 'о том, что было давно' [Даль II: 129].

Реалии войны отражены в ряде историзмов: ср., например, *французская лепешка* 'ядро' — в военном жаргоне XIX в. [Коровушкин 2000: 306]. Возможно, цвет обмундирования солдата французской армии обыгрывается в свердл. названии растения *француз / солдат*, имеющего малиновый цветок (подробнее см. раздел I, рубрика «Природа»). Память о войне ясно прочитывается в арх. выражении *как француз воевал* 'о беспорядке': «На столе-то как француз воеваў» [АОС V: 13–14]. В «зашифрованном» виде она отражена, по всей видимости, в влг. *храницузики* 'подгоревшие при жарке вытопки от сала' [КСГРС], влг. *французы* 'отходы при молотье, непригодные в корм' [КСГРС]. Это продукты «разрушительной» обработки — жарения, молотье — напоминающей, по всей видимости, бой с врагами; ср. также загадку о молотиле, записанную на Русском Севере: «Маленький Кузя побил всех французов» [ЭМТЭ] (подобные названия имеют параллели: влг. *татаров оставить* 'оставить огрехи при косьбе', укр. *швед* 'шкварка от сала' и др.; подробнее об их мотивации см.: [Березович 2014: 217–219]).

Народное историческое сознание, отраженное в мотивации географических названий, обнаруживает следы боев с французами в разных уголках страны. В первую очередь, конечно, такие топонимы фиксируются там, где были реальные бои: к примеру, в подмосковном городе Лыткарино есть *Французская Гора*, где, по легенде, захоронены французы; *Французская Могила* имеется в Рузском р-не Московской обл., *Французские Горки* — в Смоленском р-не Смоленской обл. etc. Есть «французская» топонимия и в тех зонах, где сражений быть не могло, например на Русском Севере; ср. мотивировки вологодских топонимов: урочище *Французова Новина* («Старики говорили, там бой был с французами» — Бабушкинский р-н, село им. Бабушкина [ТЭ]), поле *Французские Полосы* («Будто бы шли

французы, их тут побили, там и сейчас места боевые остались, в память о них и назвали» — Устюженский р-н, дер. Зыково [ТЭ]). Но, конечно, самыми памятными стали сражения под Москвой, запечатленные во фразеологии: устар. *пропасть* (*сгинуть*) *как француз в Москве* ‘о чем-либо внезапном, полном и бесследном исчезновении’ [БСРС: 716], устар. *бежать, как бежал француз из Москвы* ‘о чем-либо паническом бегстве, отступлении’ [БСРС: 716]. Подобной фразеологией и паремиологией изобилует словарь В.И. Даля, ср.: *я тебя, как француза, живьем закопаю* [Даль I: 583], *раскидал кости свои на чужбине, как француз* [Даль II: 177] и др.

Яркий «стоп-кадр» войны 1812 г. — изображение голодающих и замерзающих в России французов: простореч. устар. *как голодный француз* ‘об очень голодном, изголодавшемся человеке’ [БСРС: 716], *замерзнуть, как (замороженный) француз* ‘об очень замерзшем человеке’ [БСРС: 716], *закутаться, как француз под Москвой* ‘о том, кто излишне тепло одет, укутался не по сезону, погоде’ [БСРС: 718]; ср. бел. *баяцца холаду як пранцуз* [СБНП: 436]. Представление о замерзающих французах отражено и в коллективных прозвищах: *хранцузики* — жители дер. Гора Бабаевского р-на Вологодской обл.: «Зимой шапки с длинными ушам налажали, мерзли, как хранцузы. Вот и называли их» [Воронцова 2011: 350]; *французы* — жители дер. Андричевская Вельского р-на Архангельской обл.: «“У-у, французы, худые шапки!”» [Воронцова 2011: 345].

Французский язык. Французский язык прочно сохранил воспоминания о русском походе Наполеона и его последствиях. Так, Березина (*Bérézina*) стала широко употребительной метафорой разгрома. В солдатском жаргоне конца XIX в. продолжала жить память и о пожаре в Москве, другом страшном эпизоде этой войны: выражение *faire brûler Moscou* (поджечь Москву) означало ‘приготовить колоссальный пунш’ [Delvau 1883: 170].

Историческая память сохранилась и в географических названиях. На востоке Франции, там, где русская армия вступала в сражения с французской, топонимия хранит память об этих битвах. В Монмирае (департамент Марна), где важное сражение произошло 11 февраля 1814 г., сохранились названия *Chemin des Cosaques*, *Champ des Cosaques*, *Bois des Cosaques* (Казачья Дорога, Казачье Поле, Казачий Лес), причем последние относятся к заброшенным карьерам, где были похоронены убитые солдаты [Hantraye 2005]. Память об этих исторических событиях сохранилась и в городских топонимах, например *rue du Champ des Cosaques* (улица Казачье Поле) в Нойоне (департамент Уаза), долгое время оккупированном союзными войска-

ми в марте 1814 г. Такого рода отзвуки присутствуют в эльзасских (немецких) микропонимах. Так, в департаменте Верхний Рейн рядом с Сен-Круа расположен карьер *Kosackenloch* (Казачья Яма) или *Kosakenfeld* (Казачье Поле), названный так потому, что в декабре 1813 г. там похоронили убитых в бою казаков. В том же департаменте, в местечке Пти-Ландо, неподалеку от редутов пролегает «Русская улица» — *Russische Strass* [Stoffel 1868: 96, 159; Nantraye 2005]. Следы русского пребывания сохранились и в соседней Бельгии. Так, в городе Дамреми перекресток улиц Усьер и Леконт называется *camp de Moscou* (московский лагерь), поскольку здесь в 1814 г. стояли «казаки» <<http://www.charleroi.be/node/4868>>.

Отзвук военной истории обнаруживается и в достаточно консервативной лексической сфере — аграрной лексике. В Майене и Нормандии *cosaque* — это ‘два-три снопа, сверху накрытые еще одним’ (Нижний Мен), ‘четыре-пять снопов, сверху накрытые другим, колосьями вниз’ (Ко), ‘девять снопов, сверху накрытые десятим’ (Гавр) [Dubosc 1898; FEW XX: 39]. В деревне Сент-Олен-Фос-Лувен (Майен) был записан глагол *kozake* ‘укладывать снопы «казакком», т.е. в 2–3 снопа, накрытые еще одним’ [Dottin 1899: 300]. В свое время Л. Шэйниану поставил под сомнение связь между данным обозначением укладки снопов в Нормандии и историческими казаками и связал его с детским названием гусыни *casaque*, отмеченным в Нижнем Мене и Верхней Бретани [Saineanu 1925: 153–154]. Однако данная интерпретация нуждается в дополнительных аргументах, в то время как «казацкое» происхождение подкрепляется аналогией, зафиксированной в другом регионе — Пикардии, где стожок из 17 снопов, уложенных крестом и накрытых сверху последним снопом-«шапкой» (*bonnet*), называется *cavailler* (всадник); вроде бы, такая укладка была тоже введена в обиход казаками в 1815 г. [Ledieu 1893: 41]. Как предполагает журналист Ж. Дюбоск, название *cosaque* пришло от «австрийских (?) или русских пленных или солдат, которые в период Империи ввели в обиход в наших норманских землях такой способ складывать снопы» [Dubosc 1898]. Однако учет многочисленных славянских параллелей¹ [Березович 2014: 210–217] позволяет предполагать иную мотивацию: речь идет скорее о памяти о военных конфликтах, и антропоморфный образ стоящего снопа должен ассоциироваться с образом врага.

Вторая волна военных реминисценций относится к Крымской войне, когда были реанимированы и развиты уже сформировавшиеся стереотипы восприятия русских (см.: [Кабакова

¹ Ср., например, словац. диал. *moskál'* ‘верхний сноп в кладке снопов, уложенных в поле’ [SSN II: 191].

1998]). Она отразилась и в многочисленных топонимах, вроде *Malakoff*, а еще чаще в урбонимах, называющих Крым, Севастополь и под. Кроме того, названия мест битв, как до того Березина, могут локально приобретать нарицательное значение. Так, в лиможском диалекте *sébastopol* означает грохот, суматоху — в память об осаде Севастополя в 1854 г. [FEW XI: 564].

Комментарий

И Россия, и Франция в значительной степени сохранили память о походе Наполеона и последовавших за ним боевых действиях русской армии во Франции (1813–1815). Одни топонимы отражают эти реальные столкновения, другие, например на территории Русского Севера, — воображаемые. Русский литературный язык, а в еще большей степени диалекты надолго сохранили образ поверженного француза, умирающего от холода. Но отзвуки этой недолгой кампании, как мы видели, пронизывают практически все тематические группы и проникают даже в консервативную аграрную лексику обеих стран.

Напротив, Крымская война, ставшая новым прямым контактом с русской армией, принеся ряд заимствований во французский язык и отразившаяся в топонимике, вроде бы никак не запечатлелась в русском языковом сознании. Точно так же период франко-русского союза во Франции оказался достаточно плодотворным для «русской» темы в номинации, но остался не замеченным в России.

III. Материальная культура

Общая характеристика материальной культуры

Русский язык. Франция и особенно ее столица — символы культуры и цивилизации, ср. *Париж* ‘какой-либо населенный пункт или какая-то его часть, где имеются признаки культуры, цивилизации, благоустроенности, много увеселительных заведений и т.д.’: «Мухтуй называют здесь Парижем, потому что крестьяне (из ссыльных) ходят в пальто и танцуют кадрили» (И.А. Гончаров); «Все было крикливо пестро и даже пышно в этом “маленьком Париже” <...> Деревянные домишки были украшены огромными вывесками, так как в каждом чем-нибудь торговали или это были парикмахерские, кафе, рестораны <...> Даже театр был устроен здесь, и нельзя сказать, чтобы маленький — на тысячу двести мест с ложами для генералов и с паникадилами вместо люстр» (С.Н. Сергеев-Ценский) [Отин 2004: 270]. Свой *Париж* есть, к примеру, и в деревне Кунгурка Ревдинского р-на Свердловской обл.: «Два магазина там, церква и клуб, вот и у нас Париж» [ТЭ]. С Парижем свя-

зываются представления о роскоши, шике (в одежде, архитектуре, кулинарии и т.п.), ср. присказку, отмеченную в сленговом употреблении: «Ах, Париж, Париж, Париж, как приедешь — угоришь!» ‘шутливо о Париже, о его роскоши, достопримечательностях и т.п.’ [ТСРС: 27]. Устойчиво сочетание *парижский шик* (реже встречается *парижская роскошь*)¹, которое не раз ложилось в основу собственных имен. Так, в «Белой гвардии» М.А. Булгакова фигурирует магазин «Парижский шик» (на Театральной улице города, где разворачиваются события романа); известны дореволюционные конфеты «Парижский шик» и др.; в наше время одноименное название можно встретить применительно к каталогу мод, виду вышивки, броши, жюльену, букету из конфет etc. Эта роскошь не вычурна, а *изящна и элегантна*². *Шик, блеск, шарм* — и вместе с тем *изящество, утонченность* — характеризуют не только материальный мир Парижа и Франции, но и — переносно — манеры, стиль поведения, интеллектуальную деятельность парижан etc.³

Все это порождает обобщенную положительную оценку, заключенную в семантике жарг. *Париж* в знач. сказ. ‘что-л. хорошее, замечательное’, *парижский* ‘хороший, замечательный’ [ТСРС: 279]. Франция — и особенно ее столица — выступает символом красоты, ср. в народной топонимии и антропонимии: *Париж* — житель дер. Натальино Буйского р-на Костромской обл.: «Красивый парень, что твой Париж» [ТЭ]; поле *Па-*

¹ Ср.: «Даже одевался он щеголевато — с петербургским, будто бы с парижским шиком» (В. Обухов); «Модные парикмахерские засверкали *парижским шиком* в шестидесятых годах, когда после падения крепостного права помещики прожигали на все манеры полученные за землю и живых людей выкупные» (В.А. Гиляровский); «В жизни это устремило изобретательность парижан в костюм, дало так называемый “*парижский шик*”» (В.В. Маяковский); «Вряд ли есть во всем мире другой город, в котором с *парижской роскошью* были бы увековечены в статуях и в наименованиях улиц великие люди, ушедшие из жизни» (А.И. Куприн).

² «Вот кондитерские и налево и направо — *чудеса парижской роскоши и изящества*» (Е.И. Расторгуев); «И это радует: в Европе эта марка известна уже целых 80 лет и пользуется большой популярностью благодаря высокому качеству и *истинно французскому изяществу* постельного белья, аксессуаров для спальни и домашнего текстиля» (Я. Зубцова); «Итак, “Паллас” ничуть не лучше ARCH-1000, но оформлена она с *истинно французским изяществом* — просто и элегантно» (М. Константиновский).

³ «Он произносил их в совершенстве, с настоящим *парижским шиком*, и в то же время говорил “*si j’aurais*” вместо “*si j’avais*”, “*absolument*” в смысле: ‘непременно’, словом, выражался на том великорусско-французском наречии, над которым так смеются французы» (И.С. Тургенев); «В этом увлекательном сочинении, написанном с истинно *французским блеском*, проходят перед нами психиатрические теории древнейших времен и вся фактическая сторона средневековых психических эпидемий» (Ю.В. Каннабих); «Нельзя не отдать справедливости *изящному вкусу французов*, неистощимости их фантазии» (Г.И. Успенский); «Дарсье, потомок *изящных французов*, оглянется с комичной миной, подберет фалды и бултыхнется на диван» (Н.Г. Гарин-Михайловский); «Она была красива и привлекательна, эдакая парижская “штучка” с чисто *французским шармом*, который был чужд британскому мужскому товариществу» (И. Лалаянц); «Ася же <...> всецело поддается влиянию утонченного стилиста <...> и механически напиговывается всевозможной *французской утонченностью* от символистов до мистиков» (А. Белый).

риж (у дер. Крылатовка Ревдинского р-на Свердловской обл.): «Красивое поле, хорошо родит» [ТЭ]¹.

Обратная сторона французской роскоши (в русском восприятии) — ее «глянцевость», «безделушечность», ср. контекст В.И. Даля: «Прихотный товар, роскошный, *французские безделушки*» [Даль III: 458]. На основе такого восприятия, по всей видимости, формируется смысл, заложенный в арх. *фрянка* ‘всякая всячина’: «Навезут всякой *фрянки*: и кашников, и ушаты — всего» [СРГК VI: 690].

В разных сферах материальной культуры Франция является законодателем мод — и это отражается в устойчивом сочетании *парижская (французская) мода*, которое часто используется с дополнительными эпитетами — *последняя, высокая, новая*². «Источниками» этой моды выступают *парижские (французские) франты, щеголи, модники и модницы* (эти сочетания тоже можно считать устойчивыми)³.

Одежда, ткани, обувь

Русский язык. «Импорт» французской одежной моды в Россию (ср., например, оборот *одеваться по-парижски* ‘одеваться изысканно, модно’⁴) стал наиболее осужден в XVIII в. Тогда в выс-

¹ Притягательность Парижа способствует популярности в современном русском литературном языке выражения *увидеть Париж и умереть* ‘о страстном желании увидеть что-либо, побывать где-либо’: «В общем, шарм и стиль, “от кутюр” и “парфюм” — *увидеть Париж и умереть!*» (А. Кавторина). Это выражение (вариант фразем типа *увидеть Неаполь (Рим) и умереть* [БСРП: 428–429]), которое приписывается И.Г. Эренбургу, получило вторую жизнь благодаря одноименному фильму А. Прошкина, снятому в 1992 г. О высокой ценности Парижа говорит и книжное выражение *Париж стоит мессы (обедни)* ‘стоит пойти на компромисс ради существенной выгоды’ (слова Генриха Наваррского, мечтавшего о французском престоле) [РФ: 516–517]: «Между тем на ее объявление в “Лисской Газете” последовало письмо Торпа, предлагающее место компаньонки и чтицы. *Париж стоит обедни*» (А.С. Грин). Мечта о Париже резко контрастирует с окружающей действительностью — и представление о его недостижимости порождает, к примеру, жарг. *Москва — Париж* ‘ироническое название ряда маршрутов поездов под Москвой’ [ТСРС: 205].

² «На крыльце встретила Петра женщина лет 35, прекрасная собою, одетая по *последней парижской моде*» (А.С. Пушкин); «Наше несчастье, — говорил Бестужев английскому послу, — состоит в том, что он говорит по-французски и любит *французские моды*» (Н.И. Костомаров); «Одето мешанство в мишуру, губы у мешанства крашенные, волосы завиты по *парижской моде*» (К.К. Вагинов); «Многие гости, особенно дамы, заметили, что после утки и рыбных блюд император, и императрица, и венгерский король, и эрцгерцогиня не облизывали пальцев, а вытирали их о скатерть; те из гостей, что побойчее, тут же переняли эту *новую французскую моду*» (М.А. Алданов).

³ «Василий Игнатъич хотел было продолжать свое начинание, но дверь распахнулась, и мальчик кондитера, малый лет двадцати, разряженный, как *парижский фронт*, явился в гостиной с огромным подносом» (А.Ф. Вельтман); «Разве Руссо не казался дураком в ряду бархатных маркизов и пустоголовых *французских щеголей* своего времени?» (Н.А. Полевой); «И это сделали не великие мужи Франции, не воины и ученые, а *модники французские, щеголи, любезники*, люди без притязаний на громкую славу, на бессмертие!» (Ф.В. Булгарин); «Лоншанский ипподром являлся местом соревнования не только тренеров, жокеев и коней, но и дамских модных портных и *парижских модниц*» (А.А. Игнатъев).

⁴ «Внучка стояла перед ним вытянутая, горделивая <...> *по-парижски одетая*, заласканная матерью, отцом, всей семьей» (А. Мишарин); «[К]ругом европейские постройкы, отели, рестораны, кафе,

ших кругах общества получил распространение, к примеру, *французский кафтан*. Это сочетание было употребительно в литературном языке XIX в., но соответствующая реалья уже считалась устаревшей, ср. у В.И. Даля: *французский кафтан* ‘широкополый, круглый фрак, какие носили в прошлом веке’ [Даль II: 98]¹.

Представление о том, что Франция диктует моды в области одежды, нашло своеобразное воплощение и в народном лингвокультурном сознании. Французской могла быть названа одежда, которая была покупной (алт. *французский* ‘магазинный’: «Платки купленные, французские платки в магазине» [СРГА IV: 190]), выглядела «по-европейски» (*французское платье* ‘немецкое, общеевропейское, нерусское’ [Даль IV: 538]).

Французскими считались яркие платки и шали, известные носителям как литературного языка, так и говоров: литер. *французская шаль*, *платок* ‘квадратная, сложенная вдвое, обычно пестрая шаль’: «На Домне Платоновне был шелковый коричневый капот, воротничок с язычками, голубая *французская шаль*» (Н.С. Лесков) [ССРЛЯ XVI: 1556], костр., морд., смол. *французский (хранцузский) платок* ‘нарядный цветастый (обычно красный) платок из покупной материи’: «*Французский платок* красный с белыми цветочками. Разливистые платки были» (костр.), «*Французский платок*-ть, он красивый. Уш малъ у каво их астальсь» (морд.), «*Хранцузский платок* быу красный, ръзнърязыный» (смол.) [ЛКТЭ; СРГМ II: 1412; ССГ XI: 41], смол. *французик* ‘то же’ [ССГ XI: 41], морд. *французская ширинка* ‘то же’: «*Французкъ шыринкъ* була самъ красивъ» [СРГМ II: 1412], смол. *парижский платок* ‘то же’ [ССГ VIII: 14] и др. Показательно, что в архангельских говорах *француз (хранцуз)* параллельно называется *ангельский плат*: «У бабушки *ангельский плат* быў, красный, с цветками, хранцуз-от» [КСГРС]. Последнее выражение представляет собой результат аттракции арх. *аглицкий плат* ‘то же’ [СГРС I: 12] к слову *ангел*; эта контаминация обнаруживает представления как об обобщенной «заграничности» таких платков, так и их «неземной» красоте.

посольские и консульские дома и дворцы, *по-парижски одетые* дамы и мужчины, *одетые с иголочки, также по-парижски*» (Г. Успенский). Ср. также частушку, где встречается сочетание *одеваться по-французски*: «*Одеваюсь по-французски, / А зовут все “лаптем русским”, / Вот нога вам для примера — / Сорок пятого размера*» [Образ «француза» 2015: 299].

¹ Ср.: «Впрочем, все его преобразования ограничились одним введением *французского кафтана*, который далее придворных не распространился» (В.П. Боткин); «Должно знать, что фраки были запрещены: носили мундир или *французский кафтан*, какие видим ныне на театральных маркизах» (Н.И. Греч); «Он посмотрел на меня и, улыбнувшись той особенной, важной, вежливой и несколько жеманной улыбкой, которая, не знаю, как другим, а мне всякий раз напоминает пудру, *французские кафтаны* с стразовыми пуговицами — вообще восемнадцатый век, — проговорил с старомодной расстановкой, что “о-чен-но будет рад”» (И.С. Тургенев).

Сходны с платками нарядные рубахи, кофты и сарафаны: новг. *французская рубаха* ‘красная рубашка’: «*Французскую рубаху* только два раза в год надевали, в Пятницу девятую по Пасхе и в Миколу. Это из кумача красного рубахи были» [НОС IX: 153]; влг. *французка* ‘широкая вышитая кофта’: «По праздникам наряжались в *французки*» [СРГК VI: 689]; смол. *парижский сарафан* ‘нарядный, яркого цвета, с яркими цветами’ [ССГ VIII: 14].

Эту одежду шили не из привычного для русских крестьян льна, а из привозных хлопчатобумажных тканей (ситца, кумача): смол. *парижчина* ‘хлопчатобумажная ткань, «называемая также красный ситец»’ [СРНГ XXV: 224], морд., тульск., яросл. *хранцуз, француз* ‘ткань ярко-красного цвета, кумач’ [КСРНГ; СРГМ II: 1412; ЯОС X: 28]. «Французскость» тканей объясняется не только их качествами (нарядные, покупные), но и «этиологией»: так, крестьяне Владимирской губернии считали, что «носить бумажное белье — грех, ибо его “*принес француз*”, носить же следует льняное» [БВКЗ: 133].

Учитывая мотивировки *французских платков, сарафанов* и проч., можно «прочитать» не столь очевидную внутреннюю форму слов *паришки, парижки*: арх., мурман. ‘вязаные или сплетенные из ткани башмаки, подшитые тонкой кожей’; арх. ‘зимняя женская обувь, связанная из шерсти, с боков и на носках отороченная кожей’; арх. ‘женская зимняя праздничная обувь’ [СРНГ XXV: 227]; беломор. устар. *парижки* ‘глубокие, напоминающие боты без каблуков, вязаные из шерсти или сшитые из цветной материи (сукна) башмаки, отороченные на носках и с боков кожей и имеющие тоненькие кожаные подошвы. Обувь женская, старинная, в настоящее время вышедшая совершенно из употребления’ [Дуров 2011: 287]; мурман. *паришки* ‘толстые носки, подшитые сукном, старым чулком’ [Меркурьев 1979: 98]. Производность от названия столицы Франции проявляется в тех дефинициях, где указано, что обувь была праздничной, шилась из цветной материи. Очевидно, башмаки из ткани, подшитые тонкой кожей, имитировали обувь, в которой, по представлениям русских крестьян, могли бы ходить французские модницы: она явно не предназначалась для тяжелого крестьянского труда и была едва ли не «декоративной».

Для носителей литературного языка символами французской элегантности являются *французский каблук (каблучок)* ‘выгнутый, тонкий каблук’: «Женщины уже стали не такие, как недавно, весной: зацвели наряды — шляпы в букетах, прозрачный батист, модные французские каблучки» (Ф. Гладков) [ССРЛЯ XVI: 1556]; *французский берет* ‘маленький черный

фетровый берет¹: «Часто наши знания о других странах сводятся к давно устоявшимся стереотипам. Согласно одному из них, французы никогда не расстаются с маленьким черным беретом»¹; *парижская (французская) шляпка*: «[Д]а они еще и не продают *настоящие парижские шляпки*, а выписывают себе для образца да и шьют по ним: уж где ж так сшить, как в Париже» (А.Ф. Вельтман) и др.

Французский язык. Во французский обиход с начала XVII в. вошла юфть, которая стала называться *cuir de Russie*, реже *cuir russe* (русская кожа), поскольку изначально экспортировалась из России. Вместе с тем красноватый оттенок юфти лежит в основе таких вариантов ее обозначения, как *cuir de roussi* (русская / рыжая кожа), *vache de roussi* (русская / рыжая коровья кожа), *roussi* (русская / рыжая), что указывает на народную этимологию, пытающуюся увязать термин с *roussi* ‘порыжевший’ [FEW XX: 45]. Многовековой успех «русской кожи» побудил Шанель назвать духи, созданные ею в 1924 г., *Cuir de Russie*.

Другим продуктом импорта был фетр из подшерстка бобра, который особо высоко ценился в XVII–XVIII вв. и назывался «московской шерстью» — *laine de Moscovie*, хотя в конце XVIII в. он уже производился в Канаде [Morelot 1800: 194]. «Московское» обозначение отмечено в конце XIX в. для некоей ткани *moscovite*, которую использовали для пошива модных платьев: “*Robe en moscovite gris acier, velours ciselé et soie brodée de même couleur*” («Платье из “московита” цвета серой стали, фигурного бархата и вышитого шелка того же цвета» — *Mode illustrée*) [BHVf].

Короткие периоды благосклонного отношения к России сопровождались появлением на улицах и в салонах костюмов русского покроя. В описаниях космополитической моды периода Реставрации упоминаются и дамские шапки «на казачий лад», т.е. напоминающие папахи, — *chapeaux “à la cosaque”*, и «штаны на русский лад» (*pantalon à la russe*)². Впрочем, чаще подобные широкие и сужающиеся книзу штаны называются «казацкими», — *pantalon (à la) cosaque*, ср. описание парижанина: “*Chapeau sur le coin de l’oreille; col de chemise rabattu; cravate à la Colin; cheveux en tire-bouchons; veste de garçon de café; pantalon cosaque; bottes éculées*” («Шляпа сдвинута на ухо, ру-

¹ См.: <<http://www.izuminki.com/2013/03/05/francuzskij-beret-simvol-francuzskoj-elegantnosti/>>.

² “*Les dames de l’aristocratie s’affublent de chapeaux ‘à la cosaque’ ou de shakos à plumet qui rappellent les coiffures des uhlands. On les verra un peu plus tard porter le carrick de drap ou le spencer de velours, tandis que les hommes seront pantalonnés à la russe*” («Аристократки водружают на себя шапки “на казачий лад” или кивера с султаном, напоминающие головные уборы уланов. Позже они будут носить суконный каррик и бархатный спенсер, тогда как мужчины будут одеты в штаны “на русский манер”») [Tabouis, Mousset 1951: 194].

башка с отложным воротником, шейный платок а ля Колен, волосы завиты штопором, куртка официанта, казацкие штаны и стоптанные сапоги» — Н. Monnier).

К концу XIX в. относится фасон «русская блуза» (*blouse russe*), которая считается русской из-за «русского воротника»-стойки (*col russe*)¹. Вероятно, синонимом, обозначающим блузку подобного покроя, является «московская блуза» — *blouse moscovite*².

В 1814 г. (когда в Париж вступила армия Александра I) был впервые зафиксирован термин *vert russe* (русский зеленый), который впоследствии благодаря производителям красок вошел и в международную номенклатуру, ср. нем. *Russichgrün*, англ. *Russiangreen*, исп. *verde ruso*, ит. *verde russo*. Это название одного из оттенков зеленого цвета, видимо, позаимствованного у русского мундира в 1830–1840-е гг., используется применительно к тканям и мужской одежде [Mollard-Desfour 2012: 299–300]. Менее распространено название оттенка серого цвета *gris russe*.

С предметами, характерными для русского быта, во Франции ассоциировались галоши, которые в анжуйском диалекте были прозваны *sabots russes* (русские сабо) [Verrier, Onillon 1908: 229], а главное — портянки. Их называли *chaussettes russes* (русские носки) или эллиптически *russes*; термины проникли в военный жаргон во времена Крымской войны, а затем *chaussettes russes* отмечаются как общепринятое выражение [FEW XX: 45]. В качестве параллели стоит упомянуть другой вариант «портянок», сделанных из бумаги, который получил название «польских носков» (*chaussettes polonaises*) [Delvau 1883: 62]. Несмотря на ксеноназвания, портянки иногда встречались и в гардеробе французских крестьян, как и «русские сабо», например в Турени <http://www.parcay-meslay.fr/sites/parcay-meslay/files/u120/vie_quotidienne_1900-1950.pdf>, а также в армии. Помимо

¹ “On fait, cette année, des petites jaquettes sans revers qui, complètement fermées sur la poitrine, offrent l’avantage de nous épargner bien des rhumes et bien des bronchites. <...> La veste, genre *blouse russe*, se croise sur la gauche et semble retenue par trois gros boutons. La ceinture est faite d’une étroite bande de drap. Le tour du cou et le bas de la blouse russe sont ornés d’une bande de skungs” («В этом году в моде небольшие жакеты, полностью закрытые на груди, они спасут нас от простуд и прочих бронхитов. Жакет в духе русской блузы запахивается на груди и застегивается на три крупные пуговицы. Пояс шит из широкой полосы сукна. Шея и низ русской блузы оторочены скунсом») <<http://gallica.bnf.fr/m/ark:/12148/bpt6k570405t/f6.langFR>>.

² “Grande, droite, en *blouse moscovite* et longue veste noir, elle penche sa pâle figure aux joues romaines, ses rudes cheveux gris coupés au-dessous de l’oreille, sur un panier où remue un petit avorton jaune, un minuscule chien en chemise de flanelle qui lève vers elle un front bossue de bonze, de beaux yeux implorants d’écureuil” («Высокая, прямая, одетая в московскую блузу и длинный черный пиджак, она склонила свое бледное лицо, окаймленное коротко подстриженными седыми волосами, открывающими уши, над корзинкой, где шевелился желтой комок — крошечный пес в фланелевой рубашке, который поднял к ней свой выпуклый, как у бонзы, лоб и красивые, полные мольбы белычи глаза» — Colette).

этого, «русские носки» (*chaussettes russes*) в просторечии могут иронически означать и отсутствие любых носков [Virmaître 1894: 64].

Косметика, парфюмерия, прически

Русский язык. Представления о всемирно известной французской косметике и парфюмерии, разумеется, не могли не найти отражения в литературном русском языке, которому известны соответствующие сочетания (*французский парфюм, французская помада* и проч.), при этом наиболее устойчивым и распространенным является выражение *французские духи*¹. В костромских говорах отмечено шутливое метафорическое переосмысление названия предмета косметики: *французские тени* ‘синяк под глазом’: «У ней вон какие фары! — Это не фары, это французские тени» [ЛКТЭ].

Современной городской речи известны обозначения причесок: *французский боб, французская коса, французский водопад* и проч.

Французский язык. Французы недолгое время в дополнение к модным «русским» туалетам носили короткие бакенбарды, которые в Париже назывались «русскими» — *russes* [FEW XX: 45].

Гастрономия

Русский язык. Несмотря на поговорку «Сытен русский стол, голоден французский» [Даль IV: 377], в России было много приверженцев французской кухни², ср.: «Налейте мне еще шампанского стакан, / Я сердцем Славянин — желудком *Галломан!*» (К.Н. Батюшков). Престиж этой кухни породил жела-

¹ «Но сейчас увядшая кожа нежна, и *французская косметика* разбросана на столе, как оружие после победного боя» (Э.С. Радзинский); «Именно тогда все определилось и продолжается, хотя при этом у меня большие глаза, ровные зубы и *французская косметика*» (В.С. Токарева); «До *французского парфюма* у страны тогда не доросли ноги, а зелененький флакончик за рубль двадцать был народу по силам» (Г.Н. Щербакова); «Государыня, шурша юбками, распространяя вокруг тончайший аромат *французских духов*, быстро впорхнула на крыльцо» (В.Я. Шишков); «Ой, это же *настоящие французские духи*, они же такие дорогие!» (Э.А. Рязанов, Э.В. Брагинский); «Она воспитывалась в пансионе и внесла в купеческий быт своего мужа всю изнеженность, все причуды барышни, которая училась говорить по-французски, танцевать, играть на фортепьяно, которая не могла выносить ни простого слова, ни простой пищи, ни простой одежды, ни простой жизни; которая алкала *французской шляпки, французской материи* на платье, *французской прически, духов, помады*; словом, всего французского, а не русского» (А.Ф. Вельтман).

² Само выражение *французская кухня* весьма устойчиво в русском литературном языке — и за ним кроются вполне определенные стереотипы, ср.: «[З]авел у себя в доме *французскую кухню*, тайна которой, по понятиям его повара, состояла в полном изменении естественного вкуса каждого кушанья: мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба — грибами, макароны — порохом; зато ни одна морковка не попадала в суп, не приняв вида ромба или трапеции» (И.С. Тургенев); «В самом деле, ведь только почитатели *французской кухни* могут оставаться равнодушными к тому, из чего приготовлено и как приготовлено лакомое блюдо, которое они едят: было бы, дескать, лишь вкусно!» (М.Е. Салтыков-Щедрин).

ние ей подражать и по-своему воспроизводить, ср.: *по-парижски* ‘типичный эпитет в адрес какого-л. блюда’: «Да, гранит-виктория *по-парижски!* А по-парижски-то, может, и сам главный повар не знает как. Переложил лист салату на другое место, вот тебе и *по-парижски*» (из речи официанта; И.С. Шмелев) [ЯСМ: 468].

Наиболее распространены в разных формах существования русского языка «французские» обозначения хлеба и выпечки. Литер. *французская булка (французский хлеб)*¹ означает продолговатую булку с сужающимися концами из пшеничной муки (по контрасту с популярным у русских черным хлебом): «В городе Уфе не было тогда так называемых *французских белых хлебов*, — и каждую неделю почтальон привозил из той же Казани по три белых хлеба» (С.Т. Аксаков); «В этот день я собираюсь купить бутылку хорошего французского вина, *французскую булку* — багету, фунт сыра “Камамбер” или пахучего “Рокфора”, торт “Наполеон” из соседней пекарни и устроить пир в честь Франции» (С. Фрумкин). Особое наименование такой хлеб имеет в южнорусских говорах: новорос., одес. *франзюля, франсюля, францюля*, дон. *франзюлька, хрэнсоль*² [Даль IV: 538; КСРНГ]. В результате метонимических переносов такие наименования распространяются на другие виды выпечки (в любом случае не повседневной): краснодар. *франзюля*, б. указ. м. *франзюлька*, дон., кубан., одес. *франзюль* ‘печеная булка в виде восьмерки, крендель’ [КСРНГ; СРГО II: 256], одес. *хрэнзюль, хрэнзюля* ‘сдоба’ [СРГО II: 263].

В XIX в. отмечалось название пирожного *французский ветер* — ‘крем, битые сливки, иногда на яйцах’ [Даль I: 334]. В современной городской речи нечто подобное именуется *французским поцелуем*: это пирожное из взбитых сливок имеет характерную форму «волнообразной пирамидки» <<http://womanadvice.ru/voshititelnoe-pirozhnoe-francuzskiy-poceluy-priamo-taet-vo-rtu>>. Образ поцелуя «перекочевал», по всей видимости, из названия похожего по форме пирожного *безе* (из взбитых белков с сахаром) — галлицизма с внутренней формой «поцелуй» [Аникин РЭС III: 45]. В обозначении пирожного закрепилось этнонимическое прилагательное не только как указание на происхождение лакомства, но и вследствие устойчивости сочетания *французский поцелуй* в его «прямом» значении — ‘глубокий интимный поцелуй’. Закономерно, что безе (меренги) иначе называют *испанский ветер* <<http://otvet.mail.ru/question/25524072>>, ср. также нем. *Spanischer Wind* ‘то же’.

¹ Во второй половине XX в. стал популярным также *французский багет* — ‘длинное и тонкое хлебо-булочное изделие, мягкое внутри, с хрустящей корочкой, часто припудренное мукой’.

² Эти слова представляют собой новообразование от голл. *frans* ‘французский’ [Фасмер IV: 206].

Из специй широко распространена *французская горчица*, в состав которой входят зерна черной горчицы (*Brassica nigra*), которая культивировалась, в частности, во Франции (но не выращивалась в России): «Уф! В голову и во все суставы ударило. А вот от вашей *французской горчицы* не будет этого, хоть всю банку съешь. — Кто любит *французскую*, а кто русскую... — кротко заявляет Шампунь. — Никто не любит *французской*, разве только одни французы» (А.П. Чехов). Горчица входит также в состав популярной *французской заправки* для салатов.

Весьма известны в России *французские сыры*. Деликатесом считались *французские трюфели* (блюдо из одноименного вида грибов): «Лицо у него хоть и было простоватое, но дышало, однако, гораздо большим благородством, чем лицо сына; видно было, что человек этот вырос и воспитался на *французских трюфелях* и благородных виноградных винах, тогда как в наружности сына было что-то замоскворецкое, проглядывали мороженная осетрина и листовая настойка» (А.Ф. Писемский); «С *французским* лучшим *трюфелем* / Тарелки я лизал, / Напитки иностранные / Из рюмок допивал...» (Н.А. Некрасов).

Характерное воплощение получили в русском языке представления о знаменитых во всем мире французских спиртных напитках. Так, коньяк, который для русских в новинку, обозначался через известную водку: литер. устар. *французская водка* ‘водка, полученная перегонкой виноградных вин; коньяк’: «Да ты, Евпраксеюшка, *французской-то водки* клала в варенье?» (М.Е. Салтыков-Щедрин) [ССРЛЯ XVI: 1556]. В современном языке это сочетание практически не встречается, ему на смену пришло прямое обозначение *французский коньяк*. Устойчивы также сочетания *французское вино* и *французское шампанское*¹.

Если описанные выше продукты и напитки имеют «реальную» французскую природу, то сложнее дела обстоят с *французским маслом*. Так называли в XIX в. коровье масло со значительной примесью сала, ср. отрывок из старой поваренной книги: «Сало составляет самую обыкновенную и общеупотребительную торговую примесь в коровьем масле; так называемое *французское масло* в хороших ресторанах (80 коп. за фунт) почти все состоит из сала, перемешанного более тщательно и искусно» [Авдеева, Маслов 1912: 33]. Возможно, с этим названием ассоциировалось искусное плутовство, необходимое для создания подделки, ср. также: «На *французском масле*, / Сделанном из

¹ Ср.: «Вина продавались настоящие *французские*, но были невероятно дороги — по золотому бутылка и даже дороже» (Н.Э. Гейнце); «Гриша, например, вытаскивал из-под своего кресла и ставил на стол одну за другой бутылки — *французское шампанское*, греческий коньяк, шведскую водку, скотч, бурбон, настойку “Стрелецкая” воронежского разлива» (А.А. Кабаков).

сала, / Испекла природа / Этого нахала» (Н.Э. Гейнце). При таком прочтении мотивация *французского масла* сходна с мотивацией *французского золота*, которое тоже является подделкой (см. рубрику «Металлы и минералы»). Однако здесь, вероятно, есть и дополнительный мотивирующий импульс. Масло с примесью сала могло связываться в сознании обывателя с маргарином. Этот продукт, появившийся во Франции в XIX в., котировался ниже коровьего масла и мог включать в свой состав животные жиры.

Французский язык. Основной вклад русской цивилизации в гастрономию, окончательно вошедший во французский обиход во второй половине XIX в., — «русский способ сервировки» (*service à la russe*), с которым французы, по легенде, впервые познакомились у А.Б. Куракина, посла России во Франции в 1808–1812 гг. (подробнее о сервировке «на русский манер» и ее восприятии иностранцами см.: [Кабакова 2015: 36–37]). Ее особенность заключается в том, что блюда подаются на стол не одновременно, а одно за другим.

Наиболее популярным блюдом, прочно утвердившимся во французском языке, остается «русский салат» — *salade (à la) russe*, т.е. салат оливье. В источниках XIX в. он мог называться и *salade de légumes à la russe* (овощной салат на русский лад) [TLFI]. Это название из французского вошло во многие языки и везде относится к салату из свежих или вареных овощей, как правило, заправленных майонезом. О популярности этого блюда свидетельствует и метонимическое употребление данного выражения для обозначения смеси самых разнородных элементов: “Je suis né en Autriche-Hongrie; c’est devenu la Roumanie, c’était russe après, c’était allemand après, c’est redevenu roumain après, et c’est redevenu russe, et maintenant c’est ukrainien! Alors je suis né où? Je suis né nulle part. Une vraie *salade russe!*” («Я родился в Австро-Венгрии, она стала Румынией, потом стала русской, после немецкой, снова стала румынской, и снова русской, а теперь — украинская! Так где же я родился? Нигде. Настоящая мешанина» (букв. «русский салат») — К. Bernfeld). Характерно и другое «славянское» название салата — *macédoine à la moscovite* ([салат] «Македония» по-московски). В кулинарных книгах встречается и *salade moscovite* (московский салат), также состоящий из овощей (свекла, помидоры, зеленая фасоль), яиц и, разумеется, майонеза.

Как было уже нами показано, одной из характерных особенностей «русских» блюд в восприятии европейцев была их жирность (подробный анализ см.: [Березович 2014: 148–153]). Так, блюдами «а ля рюс» оказываются блюда под майонезом, например *salade de truffes à la russe* (салат из трюфелей

по-русски), где трюфели заливаются слоем майонеза с горчицей [Dumas 2000: 550], или рыба (морепродукты) *à la russe*, как *côtelette de saumon à la russe* (стейк из лосося по-русски), т.е. под майонезным соусом с икрой, кусочками омара или лангусты [TLFI], или *œufs à la russe* (яйца по-русски) — половинка вареного белка, начиненная смесью из желтка, икры (а в ее отсутствии размельченного тунца и анчоусов или ветчины) и заправленная майонезом или сметаной <<http://j.poitou.free.fr/pro/html/voc/russe.html>>. Последние два рецепта наводят на мысль, что «русским» элементом в заправке выступает не только майонез, но и икра. Среди «русских» блюд с майонезом надо упомянуть и праздничный «русский пирог» (*gâteau russe*), широко известный за пределами Франции, в Квебеке: он состоит из слоев куриного салата, салата из яиц, сверху залитого майонезом или майонезом со сметаной.

Однако наибольшее число «русских» названий отмечается в кондитерском деле. Часто они носят авторский характер и создаются более или менее именитыми поварами и кондитерами. Как и мода, кондитерское искусство охотно откликается на актуальную ситуацию.

Например, популярная в XIX в. «русская шарлотка» (*charlotte à la russe*), изобретенная великим Антоненом Каремом, по его собственному заявлению, носит это название незаслуженно: “*Quelques personnes nomment cette charlotte à la russe, tandis que je l’ai dénommée à la parisienne, attendu que j’en eus l’idée pendant mon établissement; car les premières qui aient paru, ce fut chez les ministres de la Police et des Relations extérieures où je les ai envoyées toutes moulées au moment du service, avec les commandes de pâtisserie qui m’étaient faites pour ces grandes maisons*” («Некоторые называют эту шарлотку “по-русски”, но я назвал ее “по-парижски”, поскольку я придумал ее в своем заведении. Первые образчики ее были приготовлены для министров полиции и внешних сношений, куда я отправил ее в уже готовом виде в момент подачи на стол вместе с другими кондитерскими заказами, полученными от этих досточтимых домов») [Carême 1815: 446].

1890-е гг. — время франко-русского союза, а значит, и высокого престижа России, поэтому и в кондитерских лавках и ресторанах появляется множество «русских» новинок. Так, в 1900-е гг. в Анже самым популярным десертом стал «франко-русский» пирог (*Franco-Russe*) [Verrier, Onillon 1908: 212]. Относительно булочек с изюмом, которые и сейчас в Лионе называются «русским хлебом» (*pain russe*), предполагают, что рецепт был придуман во время франко-русского союза, однако никаких доказательств не приводится.

В других случаях причина номинации не совсем ясна. Так, известный в Аквитании «торт русский» — *gâteau russe*, или просто «русский» — *le Russe*, придуманный кондитером А. Атигаредом в 1925 г., состоит из нескольких слоев безе, прослоенных пралине, приготовленным из миндаля и фундука. Считают, что название было дано в честь сочного крымского миндаля, который использовался при приготовлении, либо из-за белого цвета торта.

«Русским» может считаться и изделие с большим количеством жирного крема, как, например, на севере Франции и в соседней Бельгии *tartine russe* (русский хлебец) — пирожное, состоящее из двух слоев бисквита и толстого слоя крема на масле [Березович 2014: 155]. Сходную мотивировку можно, вероятно, предположить и для другой бельгийской выпечки, характерной для г. Туркуан, — *galette russe* (русская лепешка), также состоящей из бисквитов, приготовленных на коричневом сахаре и прослоенных толстым слоем кофейного крема <<http://www.pignonfixe.com/showthread.php?tid=10999&page=2372>>.

Среди других названий «русской» выпечки фигурируют *entremets russe* (русский десерт) ‘грэнки’, а также *tartelettes à la russe* (русские корзиночки) ‘корзиночки, начиненные фруктовым вареньем’ [Perrier-Robert 2012].

Особое место в Европе в целом и во Франции в частности занимает «русский» чай (*thé russe*) или чай «русского вкуса» (*thé au goût russe*), который предполагает присутствие цитрусовых (подробнее см.: [Березович 2014: 143–148]). Этиология, предлагаемая для этих названий, упоминает либо пристрастие русского двора к такого рода смесям, либо склонность всех русских пить чай с лимоном или апельсином, которую сохранили и те, кто переехал в Париж. Последняя версия развивается, например, чайной фирмой Дамман, которая приписывает изобретение «русского вкуса» русской супруге основателя фирмы <http://fr.wikipedia.org/wiki/Dammann_Fr%C3%A8res>.

«Казак» оставил в гастрономии менее заметный след. Известен коктейль *cosaque*, в состав которого входит пиво и фруктовый сироп, например гренадин, или же ром, киршвассер и биттер [Perret 2002: 395]. Кроме того, в Лионе были изобретены шоколадные конфеты, которые заворачиваются в серебряную обертку, куда вкладывается мадригал или петарда. Присутствие последней, видимо, и послужило мотивирующим фактором для «военственного» названия изделия: оно называется «казаками», «казацкими папильотками» или «казацкими конфетами» (*cosaques, à la cosaque, papillotes cosaques, bonbons cosaques*) и впервые упоминается в 1814 г. [Alard 1814: 155]; <http://www.alliance7.com/wp-content/uploads/2014/11/Code_usages_papillotes_2013.pdf>.

Бытовое окружение

Русский язык. Среди названий бытовых мелочей следует упомянуть *французскую булавку* ‘разновидность булавки, безопасное приспособление в виде иглы, соединенной со стержнем, имеющим на конце крышку’ [ССРЛЯ XVI: 1556]. Такие булавки называют также *английскими*, что, по-видимому, говорит об их восприятии как «европейских».

Сходную параллель имеет сочетание *французский замок* ‘самозакрывающийся, врезаемый в дверь замок; то же, что *английский замок*’: «Он в халате и туфлях, неслышно закрывает дверь на *французский замок*» (М. Пришвин) [ССРЛЯ XVI: 1556]; семантика «заграничности» подчеркнута в дефиниции жарг. угол. *француз* ‘заграничный замок’ [БСРЖ: 632]. *Французские замки* открывались *французскими ключами*: «*Французским ключом* Павел Петрович отомкнул в длинном коридоре одну из фанерных дверей» (В.А. Кочетов) [ССРЛЯ XVI: 1556].

В обиходном русском языке известен и другой *французский ключ* ‘вид разводного ключа’. Это название международное, ср. англ. *french-wrench* (французский ключ) [НБАРС II: 469], ср. также нем. *Franzose* («француз»), польск. *klucz francuski* [Komenda 2003: 42] и др.¹

Среди предметов обихода известен и *французский табак* литер. ‘сорт нюхательного табака’: «Гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский *табак* и стал нюхать русский» (А.С. Пушкин); «Воронцов открыл табакерку и <...> достал старчески сморщенными белыми руками щепотку *французского табаку* и поднес к носу и высыпал» (Л.Н. Толстой) [ССРЛЯ XVI: 1556].

Следует упомянуть и такое сочетание, как литер. спец. *парижская (французская) зелень* ‘порошок для истребления грызунов’: «Есть на свете так называемая *парижская зелень*, которую нужно распылять над озерами по одиннадцати килограммов на километр» (В.А. Каверин) [ССРЛЯ IX: 187]. Этот химикат получил название по своему жгучему зеленому цвету («Смотрим на буковый лес на горах, который теперь пока еще чуть-чуть с прозеленью — синеват, точно *парижской зеленью* с известью покрашен от короедов» — С.Н. Сергеев-Ценский), а в названиях красок весьма распространена оттопонимическая

¹ На ряде интернет-сайтов, например: <http://modernlib.ru/books/ashkinazi_leonid/mir_lemma_slovar_i_putevoditel/read_27>, встречается предположение о том, что французский ключ, изображенный на знаке железнодорожных войск, мог появиться там потому, что железные дороги России создавались при французском влиянии. Думается, эта мотивация не является первичной (хотя бы потому, что «французские ключи» встречаются не только в русском, но и в других европейских языках).

мотивация, не говоря об общемировом авторитете Франции в области колористики. Последнее проявляется и в названии краски *парижская (французская) лазурь (синь)* ‘синяя краска, близкая к берлинской лазури’ [ССРЛЯ IX: 187].

В русском литературном языке употребительно сочетание *французская кровать*, под которой подразумевается широкая (как правило, двуспальная) кровать¹. Известны и *французские окна* — от пола до потолка². Как указано на рекламных сайтах интернета, такие окна «в квартире прочно утвердились как символ престижа ее владельца» <<http://vopros-remont.ru/okna-i-dveri/panoramnye-francuzskie-okna-v-kvartire>>.

Французский язык. Из России во Францию во время Крымской войны пришли папиросы, которые стали называться *cigarettes russes* (русские сигареты); в современной действительности это сочетание осталось исключительно как название печенья сходной формы, запатентованное бисквитной фабрикой Делакур в 1945 г.

По аналогии с русскими матрешками (см. рубрику «Игрушки, игры, развлечения») был назван и определенный тип кастрюль *casserole russe* или просто *russe* (русская кастрюля; русская) — с вертикальными стенками, длинной ручкой и крышкой. Название связано с тем, что такие кастрюли разных размеров продаются целым набором, причем одна может вставляться в другую.

Более редкими являются *russe* ‘ночная ваза’ (Кемпер) [FEW XX: 39] и *cosaque* ‘печка’ (жарг.); последний предмет, возможно, был назван так из-за своей формы, напоминающей мохнатую казацкую шапку [Rigaud 1888: 112].

Транспорт

Русский язык. Эта рубрика представлена только одним, но весьма характерным названием: влг. *парижяны* ‘нарядные выездные сани’ [КСГРС]. Такие сани вряд ли завозились из Франции или имитировали внешний облик какого-либо французского вида транспорта. Скорее здесь отражены признаки «красивый», «нарядный», присущие облику Парижа в его русской народной трактовке.

¹ «Иногда он видел внутренность затененных прохладных комнат, ковровые диваны или широкую французскую кровать, белизну одеял — и полуодетая женщина кивала ему» (Б.В. Буткевич); «Маркиза сидела в своей спальне, большой комнате с поблекнувшими розовыми кретоновыми занавесками, где она давно уже спала одна на широкой французской кровати, и слушала» (Е.М. Шаврова).

² «Сквозь французские окна открывались подсвеченные церкви Зарядья» (В.П. Аксенов); «Ближе к вечеру зашла в туалет, в тот, в которыйходишь из большой ванной комнаты с французским окном во всю стену, а в ванную вход из Вадимовой спальни» (Д. Гуцко).

Комментарий

Самое поверхностное сопоставление мира бытовых артефактов в отражении русского и французского языков показывает, насколько русская действительность была насыщена «французскими» предметами (об их реальном происхождении см. ниже) во всех слоях общества, от дворянства, для которого французский был первым языком, до простолюдинов. При этом названия «русских» артефактов во французском языковом пространстве носят преимущественно эпизодический характер. Показательны в этом смысле и общая ассоциация Франции и всего французского с модой, роскошью, блеском, пусть даже воспринимаемыми как нечто поверхностное, и отсутствие во французском языке общего «образа» русского материального мира.

В лексике обоих языков наиболее богато представлены тематические группы «одежда» и «гастрономия». Однако природа номинативных моделей в русском и французском различна. Такие понятия, как французская (парижская) мода или французская кухня, были глубоко укоренены в русской культуре с XVIII в. и сравнительно мало зависели от политической конъюнктуры, тогда как «русские» костюмы и блюда — по большей части дань скоротечной моде, возникшей в момент потепления русско-французских отношений.

Хуберт Бергман, анализируя вторичные значения слов «русский», «Россия» в немецком ареале, предлагает поделить соответствующие означаемые на три категории: те, что связаны с реальным знакомством с заимствованным предметом, те, что являются некоторой фикцией, и наконец те, чья природа неясна [Bergmann 2012: 50]. В отношении реального знакомства с чужим предметом ситуация в России и Франции различна: «французские» предметы одежды, блюда, выпечка действительно изначально прибывали из Франции или входили в русский быт благодаря французским мастерам и ремесленникам, порой десятилетиями трудившимся в России. «Русские» же предметы за редким исключением, когда они действительно импортировались из России (вроде «русской» кожи или «русской» шерсти), были результатом недолгого наблюдения, как правило, в период военных столкновений.

Впрочем, граница между предложенными Бергманом категориями достаточно зыбка: «фиктивные» названия могут происходить из конкретных наблюдений. Примерами такого «конструирования» «русского» продукта выступают многочисленные названия блюд, семантическим признаком которых является жирность (присутствие большого количества крема,

майонеза) или наличие «русского» ингредиента вроде икры. При этом последние могут носить вообразимый характер, как, например, цитрусовый привкус.

Во многих сочетаниях, функционирующих в русском языке, определение *французский* означает прежде всего «иностран- ный», «европейский», «западный» (отсюда и наличие вариан- тов с «английской» атрибуцией), часто с дополнительной оце- ночной семой «хороший» (модный, дорогой, покупной, пре- стижный, нарядный, красивый и т.п.). Во французском языке сам факт «иностранных» номинаций в области моды или кули- нарии является знаком уважения к чужой традиции. Сема «плохой» (примитивный, бедный, убогий, грубый или даже от- сутствующий) в этом тематическом блоке встречается редко: рус. *французское масло*, франц. *chaussettes russes*.

IV. Досуг, духовная культура

Игрушки, игры, развлечения

Французский язык. Во французский литературный язык во- шел целый ряд названий реалий, которые либо пришли из Рос- сии, либо были созданы во Франции, но обозначены как рус- ские (казацкие) в связи с общей конъюнктурой. Наиболее по- популярным и общеизвестным «русским» предметом остается матрешка — *poupée russe* (русская кукла). Концепт многочис- ленных идентичных или схожих предметов, которые вложены друг в друга, активно присутствует как в языке (ср. *russe* ‘кастрюля’), так и в других культурных кодах. Так, название имевшего большой успех фильма С. Клапиша «*Poupées russes*» (русские куклы) имеет двойную мотивацию: с одной стороны, одна из героинь — русская красавица («русская куколка»), а с другой — имеется в виду многоступенчатое познание друго- го человека.

Среди развлечений следует указать на один из вариантов биль- ярда — *billard russe* (русский бильярд) и «русскую (гусарскую) рулетку» — *roulette russe*. Последнее сочетание может упоми- наться и в прямом значении, но чаще метафорически — как лотерея с риском для жизни: “Sex Pistols! Un jour, enfin, ce rock- là reprendrait sa place et la musique redeviendrait un jeu. Une zone haute tension. Faire du rock redeviendrait une *roulette russe*” («Sex Pistols! В один прекрасный день такой рок вновь займет свое место — и музыка снова станет игрой. Зоной высокого напря- жения. Играть рок снова превратится в русскую рулетку» — Bayon). Происхождение этого сочетания, распространивше- гося по всему миру, в том числе и в России, остается неясным. Во всяком случае выражение впервые было использовано аме-

риканцем Дж. Сурдезом в 1937 г. в качестве заголовка одного из рассказов [Зеленин 2004]¹.

Один из самых популярных в мире аттракционов, известный в России под названием *американских горок*, был впервые построен в Париже в 1816 или 1817 г. Поскольку в моде тогда была Россия, он получил название «русских горок» — *montagnes russes*. Выражение метонимически распространяется и на другие реалии: неровный рельеф (“Le terrain est dur, coupé de ravins. Je le connais bien: c’est une vraie ‘*montagne russe*’ sans horizon, qui épuise, décourage et semble doubler les distances” («Земля там твердая, рассечена оврагами. Я хорошо знаю это место. Это настоящие “русские горки” без линии горизонта, они выматывают из вас душу, приводят в отчаяние, и расстояния кажутся вам вдвое длиннее» — J. Malaurie), фигуры пилотажа (*faire les montagnes russes* ‘болтать (о самолете)’, ‘лететь, поднимаясь и снижаясь (о летчике)’ [Esnault 1919: 356]), вообще резкие перепады (ср., например: “J’ai toujours l’impression d’être sur des *montagnes russes émotionnelles*. Comment en descendre?” («Мне все время кажется, что я испытываю эмоциональные качели (букв. “русские горки”). Как с них слезть?»)²).

Духовная культура

Русский язык. Пожалуй, наиболее отчетливой языковой маркировкой обладает такое культурное явление, как *французские романы*, представления о которых лучше всего описываются знаменитой фразой Пушкина: «Марья Гавриловна была воспитана на *французских романах* и, следственно, была влюблена». Это сочетание относится главным образом к романам XVIII—XIX вв. — как правило, любовным и сентиментальным³. Русская литература эпохи реализма воспринимала эти романы с некоторым пренебрежением («Немножко на *французский роман* сбивается, неправдоподобно что-то» — И.С. Тургенев), не случайно в контекстах сочетание *французский роман* употребляется с эпитетами *пустые, откровенные, бульварные, слезливые* etc.

¹ В последнее время по аналогии с «русской» возникла и тайская рулетка (англ. Thai Roulette), также связанная с изрядным риском, но на этот раз в сексуальной сфере: <<http://www.mirserpen.ru/2014/06/thai-roulette-death-game/>>; <<http://fotokto.ru/photo/view/2628442.html>>; <<http://www.urbandictionary.com/define.php?term>>.

² См.: <<http://www.osho.com/fr/read/featured-articles/emotional-ecology/on-an-emotional-roller-coaster>>.

³ Ср.: «Она читала вдове душеспасительные *французские романы*, гуляла с ней, выслушивала жалобы на жизнь и утомительные рассказы о ее замужестве» (Б.Ш. Окуджава); «Воспитывалась она в Смольном институте, обожает цветы, танцы, шоколад-миньон, духовной пищей ее являются по преимуществу *французские романы*» (А.Ф. Кошко); «Все смешалось в этот последний год: безрадостное смятение готового на крайности подростка и натянутая, как струна, религиозность, высокопарный вздор *французских романов* — и жалчайшая провинциальная проза» (Л.Р. Кабо).

В русской народной традиции французам приписывается любовь к пению: *Франция, французы (французженки)* — жители пос. Карговино Виноградовского р-на Архангельской обл.: «Жительниц поселка Карговино, поющих в известном на весь район хоре, называют *французженки* даже в местных газетах» [Воронцова 2011: 345].

Восприятие Парижа как культурной столицы нашло отражение в ироничном жаргонном выражении *пролететь как фанера над Парижем* ‘потерпеть неудачу, провалиться, проиграть’, которое появилось в жаргоне эстрадных артистов: *фанера* — пение под фонограмму, когда артист делает вид, что поет «живьем», а слово *Париж* здесь первоначально имело созначение ‘культурная, взыскательная аудитория, не принимающая халтуру’ [Отин 2004: 271].

Ожидаема «французская» тема в хореографии. В Москве были известны *французские балы* — «так назывались балы, устраиваемые Французским благотворительным обществом в Московском благородном собрании. Отличались роскошью и были темой пересудов, разговоров и проч. О них писал, в частности, А.П. Чехов (“Осколки московской жизни”, “Сон репортера”») [ЯСМ: 642]. Среди названий танцев, в которых закреплён изучаемый этноним, следует назвать *французскую кадрили* — танец, исполнявшийся любым четным количеством пар, стоящих в две линии на расстоянии пяти-шести шагов: «Фундаментальными танцами считались: *французская кадрили* и мазурка, которые существуют и поныне» (М.Е. Салтыков-Щедрин); «Что это как мила была Сонечка Валахина, когда она против меня танцевала *французскую кадрили* с неуклюжим молодым князем!» (Л.Н. Толстой). Такую кадрили танцевало высшее общество, а вот крестьянской традиции был известен другой «французский» танец — свердл. *парижанка, парижаночка* ‘танец с песнями’: «Хороводом ходят парни да девки медленно, вот парижанка и будет»; «А парижаночку так танцуют: кто каку песню знает, тот таку и поет»; «Парижанку танцевали: песни поют под гармошку, четыре девушки подходят к гармонисту и говорят: “Сыграй, гармонис, парижанку нам”»; «Парижаночку плясали вчетвером, две пары друг против друга»; «Парижаночку плясала, / Потихоньку топала, / Свою белую юбочку / Весь подол обтопала» [ДСРГСУ: 392; ДЭИС].

Народная языковая традиция обнаруживает знакомство и с архитектурным искусством Франции: в языке отмечена такая достопримечательность Парижа, как Эйфелева башня. Об ее восприятии как символа Франции говорит коллективное прозвище *парижане, французы* — ‘жители села Порог Онежского р-на

Архангельской обл.»: «Там есть телевизионная вышка, похожая на Эйфелеву башню в Париже. Поэтому Порог называют Парижем, а жителей — французами или парижанами» [Воронцова 2011: 250]. О сильнейшей ассоциативной связи *Париж — Эйфелева башня* свидетельствует и тот факт, что в селе *Париж* на Южном Урале, названном так в честь побед русского оружия в войне с Наполеоном¹, есть вышка сотовой связи, носящая шутовское название знаменитой башни <<http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-47731/>>. Возможно, отсылку к этому высотному символу Франции содержат также народные оронимы: гора *Париж* в Белозерском р-не Вологодской обл. [ТЭ], гора *Париж* в Макаровском р-не Сахалинской обл.

Французский язык. С середины XIX в. под влиянием Эжена Мельхиора де Вогюэ, популяризатора русской литературы, автора исследования «Русский роман» (1886), в литературный и языковой обиход прочно вошло понятие *roman russe* (*romans russes*), которое ассоциируется не со всей русской прозой, но прежде всего с романами Толстого, Достоевского, Тургенева². С легкой руки Вогюэ вслед за увлечением русскими романами, которое одни называют болезнью, а другие новой религией, во французской культуре утверждается культ «русской (славянской) души» (*âme russe, âme slave*), которая становится самым устойчивым языковым стереотипом в описании и русских, и их творений: “*L’âme russe est ainsi, et chez tous les comblés du sort comme un Wérékiew, et chez les plus déshérités, toute en impulsions qui la portent aux pires excès et aux plus nobles outrances, et quand elle se sent coupable, elle a la frénésie de l’expiation, de l’humiliation*” («Такова русская душа — и у всех баловней судьбы вроде Верекева, и у обиженных ею — она вся в порывах, которые выливаются и в самые дурные поступки, и в самые благородные дела, но когда она осознает свою вину, она стремится к покаянию и самоуничтожению» — P. Bourget).

Точно так же существует и языковой образ «русского балета» (*ballet russe*), возникший уже в XX в. под влиянием русских сезонов Дягилева, которые назывались *Ballets russes* (русские

¹ В ряду таких мемориальных топонимов Челябинской области представлены также *Кассель, Лейпциг, Арси, Берлин, Фершампенуаз* и др.

² “Elle [le type littéraire de la cérébrale] se rencontre aussi à Paris, en particulier depuis que le goût des auteurs étrangers a commencé de se répandre et que la maladie du *roman russe* a fait ses premiers ravages” («Он [литературный тип “умственной женщины”] встречается и в Париже с тех пор, как начала распространяться любовь к иностранным авторам и стала свирепствовать болезнь русского романа» — P. Bourget); “Cette campagne, dont l’ennemi s’imaginait qu’elle serait facile et rapide, prend au contraire l’allure d’un de ces *romans russes*, qu’on croit à chaque chapitre sur le point de finir et qui recommencent toujours” («Эта кампания, которая противнику представлялась легкой и короткой, напротив того, все больше походит на один из этих русских романов, которые, как кажется в конце каждой главы, вот-вот закончатся, но все продолжают» — Ch. de Gaulle).

балеты), но ретроспективно охватывающий и весь классический танец предыдущего столетия¹.

С русской традицией связывают также и некоторые танцы. В словарях зафиксированы такие названия, как *danse russe* (русский танец) ‘фольклорный танец вприсядку’, *pas russe* (русское па) ‘па де баск’, ‘грубый танец русских крестьян’, *la moscovite* ‘старое название французского контрданса, попури из разных фигур, позаимствованных из других танцев’ [Desrat 1895: 249–250, 326], *la cosaque* ‘танец, подражающий казацкой манере плясать’, ‘разновидность чардаша’ (первая фиксация 1797 г.) [Desrat 1895: 107–108; Büschi 1996: 212]. Но в переносном смысле «заставить плясать» эти танцы звучит как угроза физического наказания: “Je veux te faire danser une *cosaque*” («Хочу заставить тебя сплясать казачка») и значит ‘побить’ [TLFI]; “Là! — prends garde à te taire... si tu ne veux pas que je t’apprenne à *danser la moscovite*... as-tu compris, mon ami?” («Ты бы лучше промолчал, если ты не хочешь, чтобы я тебя проучил (букв. “научил танцевать московский танец”), ясно, дорогой мой?» — P. Adam).

Характерным атрибутом русского православного культа считается восьмиконечный «русский» крест — *croix russe*, который может выступать аналогом «православного» креста (*croix orthodoxe*), а может и отличаться от него наличием лишь одной горизонтальной перекладины (в отличие от православного, где их две).

Комментарий

Сегмент духовной культуры отличается завидной симметрией: и русские, и французы выделяют в чужой культуре танцы, которые под своими «иностранными» названиями в обеих странах царили как на светских балах, театральных сценах, так и на простонародных танцульках. Русский балет, уходящий корнями в традиции французского балета, вернулся на свою историческую родину и стал отдельным понятием.

Не менее важным чужим топосом стала проза — с психологической доминантой, как в русских романах, или с любовной, как во французских. С русским психологическим романом в сознание французской элиты вошел концепт «русской (славянской) души» и, возможно, «русского шарма», «русской красоты» — или, точнее, красоты русской женщины.

¹ Ср.: “[I]ls trouvent ça inconvenant, surtout si le merdeux de Franzose se trimbale au bras d’une princesse de *ballet russe*, belle à te faire rêver la nuit, une princesse qu’ils sont allés eux-mêmes lui chercher, eux, les conquérants, pour la lui apporter sur un plat d’argent, si c’est pas des malheurs!” («[О]ни полагают это неприличным, особенно если дерьмовый французишка прохаживается с принцессой из русского балета, до того красивой, что она снится тебе по ночам, с принцессой, которую они сами, эти завоеватели, принесли ему на блюдечке с золотой каемочкой, ну разве это не обидно?» — F. Savanna).

Важно подчеркнуть, что преобладание «французских» предметов быта в русском языке до некоторой степени уравновешивается наличием «русских» развлечений, которые либо были привезены из России (матрешки и бильярд), либо были названы «русскими» как дань царившей русофилии («русские горки»), либо приписывались русским офицерам («русская рулетка»). Можно, однако, увидеть некоторую внутреннюю логику в последних двух сочетаниях: в обоих случаях речь идет об экстраемальных ощущениях, а ведь стереотип русского характера включает порыв к сильным переживаниям (подробнее об этом см. раздел V «Человек социальный и физический»).

V. Человек социальный и физический

Черты характера, поведение

Русский язык. Характеризуя поведение француза, русский литературный язык отмечает, среди прочих, этикетные черты — *французскую учтивость, вежливость, галантность, любезность* (последняя сочетается также с прилагательным *галльская*)¹. В народном языке эти черты не выделены — напротив, замечены драчливость, хулиганство: заурал., перм. *парижэн* шутол. ‘хулиган’ [СРНГ XXV: 224], *французы* — прозвище жителей деревни Андричевская Вельского р-на Архангельской обл.: «У нас народ настырный, задумают что сделать — так все наше; вот нас французами и прозвали» [Воронцова 2011: 345]; ср. также: «*Француз сорвиголова, живет спустя рукава, шилом бреется, дымом греется*» [Даль IV: 305]. Драчливость французов прочитывается и в переосмысленном книжном прозвище *галльский петух* ‘перифрастическое наименование Франции и французов’ [БСРП: 495]², ср.: «*Галльские петухи в красных штанах, на далеком европейском Западе, заклевали толстых кованых немцев до полусмерти*» (М.А. Булгаков)³. Другое проявление «петушиного» поведения французов, отмеченное в литературном языке, — заносчивость, ср. выражение *французик из Бордо*

¹ Ср.: «Начальник барийского гарнизона, он же и начальник провинции, принял Ашанина с чисто *французской любезностью* и предложил ему поместиться у поручика-префекта» (К.М. Станюкович); «После вас, — с чисто *галльской любезностью* поклонился англичанин» (А.Т. Аверченко); «Он поздоровался с Ростопчиним с той особой изысканной учтивостью, которая создала в мире штампованное слово “*французская учтивость*” и которая в действительности свойственна только старым, хорошо образованным и много жившим французам» (М.А. Алданов); «Я вел диалог, как мне показалось, с *французской галантностью*» (С. Есин); «А хваленая *французская вежливость*, про которую протрубили на весь мир!» (К.М. Станюкович).

² Как известно, это аллегорическое название французов восходит к одной из национальных эмблем Франции, которая ведет свое происхождение от прозвища галлов (возникшего при аттракции лат. *gallus* ‘галл’ ↔ *gallus* ‘петух’).

³ Ср. также: «*Союзны логічны, кукарекала и петушила галльская часть моего рассудка, прогоняя всякую мысль, что какой-нибудь очарованный Лолитой коммивояжер или гангстер из кинокомедии и его приспешники травят меня*» (В.В. Набоков).

‘о заносчивом, хвастливом иностранце’ [БСРС: 704], которое является цитатой из комедии Грибоедова «Горе от ума».

Черты «хулиганского» поведения французов названы в мотивировках к прозвищам: *франчуги (Франция)* — жители деревни Раскатаево Даровского р-на Кировской обл.: «Питухи такие, пить любили¹ и лошадей меняли — Франция!» [Воронцова 2011: 345]; *Француз* — житель деревни Полежаево Никольского р-на Вологодской обл.: «Лихой парень, фулюган: как выпьет, так и бегаёт по деревне, орёт благим матом» [ТЭ]. В литературной традиции «лихость» может уточняться как дерзость и пылкость: «В Англии — законы, в Германии — орднунг, во Франции — *галльская дерзость*, а у нас — барские капризы...» (Б.Л. Васильев); «Выпьем этого храброго, доброго вина, как говорят *пылкие французы*» (А.И. Куприн); «Немудреная авантюрная комедия, буквально до краев наполненная иронией, тем не менее, благодаря талантам актера и режиссера, дала образец *настоящего француза: легкого, дерзкого, остроумного, одновременно лиричного и героического*» (В. Быков, О. Деркач).

В последнем контексте указаны и другие качества, обозначения которых в литературном языке устойчиво сочетаются с изучаемым этнонимом: *французская веселость, французское (галльское) остроумие, французская легкость*². Легкость переходит во *французское легкомыслие* и *французскую ветреность*³. Легкомыслие порождает необязательность, ср. жарг. студ. *французский отпуск* ‘пропуск занятий без уважительной причины’ [БСРП: 471]⁴. Ветреность «рифмуется» с таким ярчай-

¹ Ср. также: «Пьянствуют и шумят в театре и, слышно, составляют оппозицию против освобождения крепостных крестьян. *Настоящие французы!*» (Т.Г. Шевченко).

² «*Французская веселость* жива, остра, легка и насмешлива» (М.Н. Загоскин); «Ничего нет несноснее, обременительнее, и притом ничего нет реже, как глупый, тяжелый француз, а во сто раз хуже, скажу омерзительнее, как немецкий фанфарон, подражающий *французской легкости* и *остроумию*» (Ф.В. Булгарин); «Он выходил старенький, в затрапезной ряске, ласково шутил с детьми елейными католическими шутками, приправленными *французским остроумием*» (О.Э. Мандельштам); «Извините, мой *галльский вкус к остроумию* не покидает меня ни при каких обстоятельствах жизни» (О.Д. Форш); «Для Льва Ильича эта великая мысль всего лишь проявление “*галльского остроумия* (как последовательный антисемит, он шовинист, презирающий все нерусское, а значит, и “галльское”)» (С. Резник).

³ «“Ох, уж это мне *французское легкомыслие*”, — проворчал Дебоширин» (С. Довлатов); «[И]х-то [англичан] скромный кафтан и *французская ветреность* составляют нечто неподражаемое из наших модных господчиков, которые одни имеют великое дарование соединять в себе благородную *ветреность французских парикмахеров* и философскую важность английских конюхов» (И.А. Крылов).

⁴ Ср. англ. *French leave* ‘отсутствие на работе без разрешения’ [ABBYY Lingvo x 6]; это выражение имеет также значение ‘уход без прощания, незаметный уход’ (ср. нем. *sich auf französischen verabschieden*, исп. *irse a la francesa*, порт. *sair à francesa* ‘уйти не попрощавшись’) и входит в ряд ксенонимических сочетаний, не имеющих особой реальной подоплеку (подобное поведение приписывается самым разным народам), но выражающих негативную оценку одного народа другим, ср. франц. *filer à l’anglaise*, франц. (канад.) *partir eu sauvage* (уйти как дикарь), нем. *der Holländer machen* (сделать голландца) ‘убежать, спастись бегством’ и др. (подробнее см.: [Березович 2014: 195]).

шим качеством француза, приписываемым ему наивным языковым сознанием, как готовность к любовным похождениям и сексуальность.

На уровне языковой номинации сексуальность отражена в выражении *французский поцелуй*: поцелуй, при котором допускалось «влагать язык», в русских текстах XVIII в. получил название *французского*, а в XIV в. (судя по текстам покаянных сборников) он назывался *татарским* [Пушкарева 2005: 86]. Это объясняется сменой представлений об источнике вредных иностранных влияний. Устойчивость данного сочетания подтверждается наименованием пирожного *французский поцелуй* (см. рубрику «Гастрономия» в разделе III); оно фигурирует, к примеру, и в названии цветочного букета *Французский поцелуй* <<http://buketik-spb.ru/buket-frantsuzskij-potseluj/>>, которое имеет коннотации «любовности» и «воздушности». В современном русском жаргоне фиксируется целый ряд других номинаций, преимущественно вульгарных, которые развивают тему французской сексуальности: *что ты рвешься, как француз в койку* ‘не торопись, успокойся’ [ТСРС: 469], угол. *французский сеанс* ‘групповой акт онанизма’, молод. *французская шапочка* ‘презерватив’ [БСРП: 602, 746], *француз* ‘минетчик’, молод. ‘половой орган’ [БСРЖ: 632] и др. В литературном языке есть сочетание *французская любовь* ‘оральный секс’: «[Л]юбовник ей фильдеперсовые чулочки подарит. Да ведь сколько за этот фильдеперс ей издевательств надо вынести. Ведь он ее не каким-нибудь обыкновенным способом, а подвергает *французской любви*» (М.А. Булгаков); «Он, умелец, и натаскал провинциалку-дилетантку по части любовной акробатики, <...> привадил к *французской любви*» (С. Гандлевский)¹.

Характерным образом реагируют на эту тему русские говоры: в них, разумеется, нет обозначений разных видов любовных утех, но есть обозначение той, кто им предается, нарушая общественную мораль: олон. *фрянка* ‘распутная женщина’ [Куликовский 1898: 127]. В литературном языке отмечается более «пристойный» вариант подобного женского поведения, ср. устойчивое сочетание *французская кокотка* (устар. *кочотка* ‘женщина легкого поведения, находившаяся на содержании у своих поклонников’), фиксируемое в текстах XIX в.: «Во вторых, она разоряет меня, как *французская кокотка*» (А.П. Чехов), «Даром что бывшая жена акцизного, а смотрит *настоящей французской кокоткой*» (П.Д. Боборыкин). Наименование сто-

¹ «Французская» лексика с «сексуальной» семантикой встречается и в других языках, особенно в их жаргонных подсистемах, ср., к примеру, англ. *French kiss* (французский поцелуй) ‘поцелуй с контактом между языками’, жарг. *French letter* (французское письмо) ‘презерватив’, *French tickler* (французская щекотка) ‘вид презерватива’ и др. [АВВУ Lingvo x 6].

лицы Франции тоже не обходится без обсуждаемых коннотаций: *париж* ‘непристойное, злчное место’: «Наконец в одном *париже*, / Там, где нравы сплошь бесстыжи, / С удивленьем — ё-моё! — / Он увидел вдруг ее» (А. Брехунов) [Отин 2004: 271].

Наконец, следует сказать о языковых фактах, в которых содержится общая оценка французов. Обобщенная негативная характеристика представлена в пск. *дрянный, как француз* ‘об очень плохом, дрянном человеке’ [БСРС: 716]. Французы воспринимаются как ярко выраженные чужаки, потому соответствующее коллективное прозвище могут получать жители русских деревень, имеющие разительные отличия от соседней. Например, к прозвищу *французы*, которое носят жители Андреевского сельского совета Шенкурского р-на Архангельской обл., их соседи дают такой комментарий: «Французы — у них как отдельная республика была — французская» [Воронцова 2011: 345]. Другие *французы*, проживающие в деревне Лямца Онежского р-на Архангельской обл., параллельно называются *Туция* [Воронцова 2011: 345]: это говорит об общей коннотации «чуждости», присущей данным названиям.

Сходные коннотации проявляются в ироничных жаргонных обозначениях «новобранцев» (угол. *француз* ‘вновь прибывший, неопытный заключенный’, ‘осужденный, отбывший менее трех лет лишения свободы’ [БСРЖ: 632]) или же предстателей социума, который оценивается номинаторами как более низкий, чем их собственный (угол. *парижанин* ‘сельский житель, приезжий из сельской местности’, ‘колхозник’ [БСРЖ: 420]).

Французский язык. При обращении к французскому разговорному языку, аргю и диалектному материалу выясняется, что восприятие русского человека во многом сформировалось и менялось под влиянием политической конъюнктуры, начиная от наполеоновского похода в Россию, военного присутствия русской армии во Франции в 1813–1815 гг., а затем в контексте Крымской и Первой мировой войн.

Языковой портрет русского — это прежде всего портрет солдата со всеми его достоинствами и недостатками. *Russe* — человек ‘мощный, крепкий и brutальный’ (мозел.) [Zéligzon I: 460]. *Russe* описывается и как ‘злой, жестокий’ (Дофине) [FEW XX: 45], а также ‘грубый, несговорчивый’ (прованс.) [Mistral II: 824]. Эти отрицательные качества до такой степени концентрируются в образе русского, что во фразеологизмах он может выступать мерилем дурного начала, как, например, во французском диалекте острова Джерси, где фиксируется сравнение *mauvais comme un Russe* (дурной как русский) с любопытным вариантом, используемым применительно к ребенку, — *mauvais*

comme un p'tit Russe (дурной как русский малыш) [Le Maistre, Carré 1966: 465].

В провансальском диалекте Керси выражение *Acos un Russo* (Это русский) относится к человеку с тяжелым характером. Здесь же «русскому» могут приписываться и более конкретные значения ‘злобный, желчный’, как это следует из сравнения *carut coumo un Russo* (желчный, как русский) [Gaidoz, Sébillot 1884: 375–376].

В данном случае, вероятно, происходит аттракция *Russe* в значении ‘грубый, неотесанный’ к франц. *rustre* и диалектным формам *russe, russo* (Виваре), *ruste* (Але) ‘грубый’, восходящим к лат. *rusticus* ‘деревенский’ [FEW X: 592]¹.

Русский мог обозначаться — наряду с общелитературным *Russe* — и как *Russien*, хотя уже в XIX в. последняя форма воспринималась как устаревшая. Столь же популярными (особенно среди французских солдат в Первую и Вторую мировые войны) были жаргонные обозначения с псевдорусскими окончаниями, образованные от этнонима (*Rousse, Rousski, Roussky, Ruskov, Ruscof, Russkoff*), а также и *camarade Rousski* (товарищ русский) [Dauzat 1918: 160; TLFi]. Кроме того, обозначением русского мог стать антропоним *Popov* (*Popoff*).

Семантическая доминанта жестокости характерна в еще большей мере военному «двойнику» русского — казаку², недаром русский может быть охарактеризован как «казацкая порода» — *espèce de Cosaque*, ср.: “Il se souvint d’avoir rivé son clou, et vertement, à une espèce de Cosaque, un certain Mi... Milanof” («Он вспомнил, что ему уже приходилось, причем довольно резко, заткнуть глотку казацкой морде некому Ми... Миланову» — A. Daudet). Наряду с такими значениями *Cosaque*, как ‘обитатель южных областей России’ или ‘солдат русской армии’, во французский язык со времен наполеоновских войн вошли и значения ‘страшный, жестокий персонаж’, ‘человек жестокий и злой’ (ср. литер. *féroce comme un Cosaque* (жестокий, как казак)), а также ‘мародер’, ‘хам’, ‘брутальный и невоспитанный человек’ [France 1907: 66], как это следует из контекста: “Je ne parle ici que des voleurs profès, qui

¹ Эта память языка о латыни позволяет в определенной исторической ситуации «втянуть» русских в семантическое поле «деревни», тем самым превратив их из завоевателей в спасителей. Так, в автобиографическом тексте «Записка г-на Бейля о себе самом» Стендаль рассказывает, как аристократическая партия в Гренобле в 1799 г. призывала русских освободителей цитатой из Горация: “O Rus, quando ego te aspiciam!” («О деревня, когда я увижу тебя!»).

² Мы показали в свое время, проанализировав разные типы источников, от языковых фактов, фольклорных и литературных текстов до народной гравюры, как изначально негативное восприятие иностранной армии во Франции воплотилось в образе казака [Кабакова 1998].

sont les *cosaques* réguliers de notre civilisation. Quant au paysan qui vole une gerbe, ce sont là des *cosaques* irréguliers, de purs accidents” («Я имею в виду только профессиональных воров, которые являются регулярными казаками нашей цивилизации. Что же касается крестьянина, укравшего сноп, то это нерегулярные казаки, воры по чистой случайности» — E.-F. Vidocq). Следствием этих «девиантных» характеристик персонажа представляется и такое значение *cosaque*, записанное в департаменте Ла-Манш: ‘человек, которому нельзя доверять’ [Lepelley 1989: 51].

Cosaque, реже *Russe*, становится обобщенным образом врага, в зависимости от контекста ассоциирующимся либо с народом, с которым Франция находится в состоянии прямой или скрытой конфронтации, либо с нечистой силой. Первый случай иллюстрирует выражение, которое произносится в конце еды, когда допивают последнюю бутылку или доедают последний кусок: литер. *Encore un que les Cosaques n'auront pas*, мозел. *An val ink qu'les cos que n'èront m'*, флоран. *enco iun qu'les Cosaques n'arontme* (Вот еще один, который не достанется казакам) [FEW XX: 39; Zéliqzon I: 160]; впрочем, более популярными являются варианты, упоминаящие более традиционных врагов — немцев, реже англичан (*Encore un que les Allemands / que les Boches / que les Prussiens / que les Anglais n'auront pas; toujours ça que les Boches n'auront pas*) (Вот еще один, который не достанется немцам / фрицам / прусакам / англичанам). Второй случай представлен в выражении *envoyer aux russes* (послать к русским), записанном в департаменте Эр-э-Луар, которое значит ‘избавиться от назойливого человека’ [Dud'huit et al. 1979: 147]. Закономерно и окказиональное использование лексем *Russe*, *Cosaque*, *Moscovite* в контексте ругательств: *vieux Moscovite* (старый москвич) фам. ‘мерзавец’ [Büchi 1996: 220], *mille pétards d'foutu cochon d'empaillé cosaque!* (тысяча петард чертовой свиньи чучела казака! — G. Frison).

Метонимически определение *cosaque* может быть распространено и на весь политический строй России, которую считают авторитарной, консервативной, противостоящей республиканскому, демократическому началу, что впервые было сформулировано Наполеоном в 1816 г.: “L'Europe sera républicaine ou *cosaque*” («Европа будет республиканской или казацкой»), а затем в эпоху Николая I развито Виктором Гюго: “Cet écroulement des trônes, ce sera le Czar qui l'aura causé. L'Europe *cosaque* aura fait surgir l'Europe républicaine” («Крушение тронов вызовет царь. Казацкая Европа пробудит к жизни республиканскую Европу»). И сегодня в контексте негативного восприятия современной России журналисты все чаще называют ее *pays des cosaques* (страна казаков).

Воинственный образ казака оказывается необычайно живучим и имеет тенденцию распространяться и на другие исторические эпохи, и на другие социально-политические контексты. Так, «казаками» называли русские части в составе немецко-фашистской армии, т.е. армию Власова; причем в диалекте Верхней Соны, где отмечено это словоупотребление, синонимом слова *cosaque* оказывается *Mongol* (монгол) [Chambon 2007: 262]. Казак воспринимается и как персонаж, нарушающий нормы социального поведения, отсюда и одно из многочисленных обозначений штрейкбрехера — *cosaque*, которое оказывается в одном ряду с другими ксенофобными прозвищами вроде *bédouins*, *italiens*, *piémontais*, *kroumirs*, *sarrasins* и т.д. [Tournier 2006].

Часто казак воспринимается как глупец, что также вписывается в образ недалекого вояки, как следует из фразеологического выражения *prendre quelqu'un pour un cosaque* (держать кого-либо за казака) и его варианта *prendre quelqu'un pour un Allemand* (держать кого-либо за немца) 'держать кого-либо за дурака' [FEW XX: 39].

На общем негативном фоне появляются и редкие положительные коннотации: так, *cosaque* 'казацкий' может означать крепкое телосложение¹, луженый желудок и отважное сердце, ср. "J'ai voyagé avec le Comte Branicki... C'est un cœur et un estomac cosaque, qui digèrerait du lion et du chameau" («Я путешествовал с графом Браницким. У него казацкие сердце и желудок, он переварит и льва, и верблюда» — P. Mérimée). Отметим также выражение *estomac cosaque*, означающее 'отменный аппетит' [TLFI].

Дальнейшее семантическое развитие термины *Russe* и *Cosaque* получили в военном аргументе солдат и высшей военной школы Сен-Сир. В жаргоне времен Первой мировой войны *russe* — это 'новобранец'. По одной из гипотез, данное значение могло быть заимствовано из разг. нем. *er ist ein Russe* (он русский) 'он неповоротливый', 'отдувается за всех'. Однако присутствие в солдатском языке синонимов с той же ксеномотивацией (*boche* 'солдат, прибывший в подкрепление') заставляет усомниться в этой версии [Esnault 1919: 477]. Со значением 'новобранец', 'салага' связано выражение, которое может использоваться и вне военной среды: *en baver (en chier) comme un / des russe(s)* (вкалывать, пахать, как «русский» / «русские»), ср. "Même les anciens l'acceptèrent. Je n'eus à subir qu'un minimum de réflexions désagréables telles que: 'Les Russes, c'est fait pour en

¹ Мотив крепкого телосложения развивается и в бранном выражении *cōsaque* 'вираго' (льеж.) [FEW XX: 39].

chier’, ou ‘Tu crevais donc de faim chez toi que tu t’es vendu!’» («Даже старослужащие приняли меня. На мою долю достался самый минимум малоприятных замечаний вроде: “Русские существуют, чтобы вкалывать” или “Ты что, с голоду помирал у себя, что решил продать свою шкуру?”») <<http://www.languefrancaise.net/bob/detail.php?id=40214#35785>>.

С семантическим полем неприятностей путем аттракции может сближаться и *russe* ‘русский’. Так, в северных говорах встречаются выражения *faire des russes* ‘причинять неприятности’ (лилл.) [Vermesse 1861: 166], а также *prente des russes*, *у s’doner des russes* ‘хлопотать’ (валансьен.) [Hécart, Ransart 1834: 419]. И хотя *russes* здесь восходят не к *russe*, а к нидерл. *ruzie* ‘распри, раздоры’, народная этимология предпочитает связать выражение с актуальной политической ситуацией, при которой русские выступают врагами Франции:

A ch’t’heur’ nous savons bien qu’ les *Russes*
N’sont point si diables qui sont noirs;
Chaque’nuit, nous leu faijons des *russes*
Quand on sait qui dort’nt comme des loirs.

(«Теперь мы прекрасно знаем, что русские не такие уж черти, хотя и черные; каждую ночь мы им доставляем неприятности, поскольку знаем, что они спят, как сурки» — A. Desrousseaux) [Vermesse 1861: 166].

Еще более широко в армии для оценочного обозначения новичков использовалось слово *cosaque*. Оно означает ‘солдат-неумеха’, ‘солдат, неправильно выполняющий приказы’, ‘неумелый офицер’, ‘неловкий курсант (Сен-Сира)’ [Dauzat 1918: 208; Perret 2002: 915], при этом отмечается и как прилагательное с тем же значением ‘неловкий, особенно на учениях’ [Cassagne 1994: 64]. Как и *Russe*, термин *Cosaque* может быть использован курсантом старшего курса летного училища в качестве снисходительного обращения к более младшему [Perret 2002: 642]. То же значение актуализируется в выражении *avoir l’air cosaque* ‘иметь вид новичка; быть скованным’, ср. “On a l’air *cosaque* jusqu’au pékin de melon, c’est-à-dire jusqu’au jour où on devient ancien” («“Казакком” (новичком) остаются до банкета в конце первого курса, т.е. пока не становятся “дедом”») [Eudel 1893: 15]. Со значением *cosaque* ‘неумеха’ связаны и глагол *cosaquer* ‘совершить оплошность’, и производный глагол, обозначающий процесс воспитания новобранца, — *décosaquer* ‘муштровать (новобранца)’ [TLFI].

Возможно, что именно со статусом «салаги» связано выражение *régime de cosaque* (казацкий режим) ‘нечто трудно выносимое’: “Sans parler des douches écossaises que ça comporte,

un interrogatoire! L'espoir qui renaît qui s'en va. Et qui revient bientôt, pour repartir aussi sec. C'est un *régime de cosaque*" («Не говоря уже о состоянии, когда тебя кидает из жара в холод, без чего не обходится ни один допрос. Только что возникшая надежда пропадает. Потом возвращается и снова исчезает. Это невыносимо (букв. «казацкий режим»»)» <<http://languefrancaise.net/bob/detail.php?id=46540>>.

С «военными» значениями слова *cosaque* связаны и дериваты, описывающие либо жестокие, либо незаконные, либо неловкие действия: *cosaquante*, *cosaquerie* ‘ошибка, промах’ (воен. арг) [Perret 2002: 915], *cosaquerie* ‘неожиданный быстрый набег, заканчивающийся грабежом’ и метонимически всякий ‘жестокий поступок’, в том числе ‘жестокость, совершенная исключительно из желания причинить зло’ [FEW XX: 39; TLF1]. С «милитаристской» темой связан и глагол *cosaquer* ‘атаковать на казацкий лад’, ‘оглушить’ (париж.), *kozaka* ‘убить’ (швейц. Ле Планшет) [FEW XX: 39] и соответствующее причастие (*être*) *cosaqué* ‘быть взятым в плен казаками’, арден. *cosaquée* ‘быть изнасилованной казаками’ [Raillet 1957: 31], мозел. *kèsaqué* ‘(стать) жертвой обращения наподобие казацкого’ [FEW XX: 39].

Характерно, что *cosaque* в его военно-жаргонном варианте проник и в Африку, где развил новые значения, логически связанные с уже описанным семантическим полем. Так, в Республике Конго, бывшей колонии Франции, отмечены *cosaque* ‘человек, совершивший предосудительный поступок, правонарушение’: “Il faut mettre le *cosaque* au trou pendant au moins deux jours” («Надо посадить “казака” (нарушителя) за решетку хотя бы на пару деньков») [Massoumou 2001], *cosaquer* ‘отлынивать от работы’, ‘совершать предосудительный поступок, правонарушение’: “Ce voleur *cosaque* tout le temps” («Этот вор “казакует” все время») [Massoumou 2001].

Во французском языке за обозначениями русских закрепились некоторые поведенческие стереотипы, напоминающие гусарские замашки. И сегодня по-прежнему используется выражение *boire à la russe* (пить по-русски), что означает ‘выпивать одним глотком водку’: “Rouletabille et Natacha ne firent que tremper leurs lèvres dans la *vodka*, mais Féodor et Matrena *burent* leur eau-de-vie à *la russe*, d'un seul coup, haut le coude, la vidant à fond et en envoyant carrément le contenu au fond de la gorge” («Рультабий и Наташа лишь пригубили водки, а Федор и Матрена выпили водку на русский манер, проглотив ее одним махом и осушив рюмку до дна — G. Leroux). При этом иногда предполагается, что, осушив рюмку, надо бросить ее через плечо. «Казацкий» же модус поведения в застолье проявляется

иначе: *manger en cosaque* (есть как казак) значит ‘есть жадно и неопратно’ [France 1907: 384].

В литературном языке встречаются выражения *embrasser à la russe* (целоваться по-русски), *baiser (à la) russe* (русский поцелуй), что отсылает к предполагаемому этикетному обычаю русских целоваться в губы в виде приветствия: “Je reconnus, en effet, mon compagnon de cellule. En m’apercevant il me prit dans ses bras et spontanément me *baisa la bouche, à la russe*. Cher Ivanof!..” («В самом деле, я узнал своего товарища по камере. Заметив меня, он обнял меня и, не задумываясь, поцеловал меня в губы, на русский манер. Дорогой мой Иванов!..» — М. Dekobra).

Брутальность поведения в разных ситуациях, в том числе и в сексуальной сфере, регулярно описывается через образ казака: «на казацкий лад», «по-казацки» (*en cosaque, à la cosaque*), ср. *faire l’amour à la cosaque* (заниматься любовью на казацкий лад). При этом «казацкое» или «гусарское» (*à la hussarde*) поведение может характеризовать не только мужчин, но и женщин¹.

Болезни

Русский язык. Наиболее глубокие корни в разных формах существования русского языка пустили выражения, называющие то, что становится, по народным представлениям, следствием любовных развлечений (так любимых, согласно стереотипу, французами), — венерические заболевания: простореч. *французская болезнь* ‘сифилис’ [ССРЛЯ XVI: 1555–1556], жарг. *парижский, французский насморк* ‘гонорея, или триппер’ [БРЭР: 359], влг. *францы, храницы* ‘венерические язвы’ [Дилекторский 2006: 536, 544], влг., юж. *храни(ы)и, франец* ‘сифилис’ [Даль IV: 564], смол. *пранец*, смол., брян. *пранцы* ‘сифилис’ [СРНГ XXXI: 67–68], олон. *фрянка, фрянки* ‘сифилис’ [Куликовский 1898: 127] и др.² Сифилису приписывается «французское происхождение»³ не только русским языком, но и дру-

¹ “Soulever, au moins, cette ombre qui s’est couchée sur moi depuis huit mois, ce doux Soviétique aux yeux verts, à qui j’ai appris à *faire l’amour* autrement qu’en *cosaque*” («Хотя бы приподнять эту тень, что легла на меня уже восемь месяцев как, этого нежного советского зеленоокого (юношу), которого я научила заниматься любовью не только казацким способом» — А. Ernaux); “[E]lle y est parvenue, jusqu’à devenir probablement la plus hussarde de mes maîtresses, ou plutôt, pour reprendre l’une de ses expressions, la plus *cosaque*” («[У] нее это получилось, и она стала одной из самых лихих моих любовниц или, по ее собственному выражению, самой “казацкой”» — Н. Monferrand).

² М. Фасмер рассматривает эти слова (приводя также др.-рус. *френчуга* ‘то же’) в статье *фрянка, пранец и хранец*, указывая, что названия эти восходят к **франка*, собственно ‘француз’, ‘французская болезнь’ (в слове *фрянка* гиперграмматическое *-ря-*; формы *пранец* и *хранец* отражают регулярные фонетические процессы) [Фасмер IV: 208, 273; III: 353].

³ В русских текстах появление болезни иногда датируется войной 1812 г.: «По морю по кияну, по острову по Буяну по Можайской дороге шел француз скверной своей силой поганой, пришел

гими языками Европы (см.: [Березович 2007: 440–441]), и это объясняется не реальными обстоятельствами (Франция страдала от эпидемий сифилиса наряду с другими европейскими странами), а, как говорилось выше, стереотипом француза как любителя любовных приключений и «вояки» (ср. жарг. *гусарский насморк* ‘сифилис’); кроме того, присущий болезни симптом «гнусавости» сопоставляется с типичным французским «прононсом». Снять с французов «лингвистическую ответственность» за распространение сифилиса помогает то обстоятельство, что другие названия этой болезни в разных языках являются ксенонимами, ср. рус. сиб. *немцы* ‘о сифилитических язвах на коже’, вят. *татарская оспа* ‘сифилис’, польск. *łamanie włoskie* (болезнь итальянская), *niemoc niepolitańska*, англ. *Irish button* (ирландская пуговица), нем. *spanische Krankheit* (испанская болезнь), итал. *marocchinato*, порт. *mal de Castilla*, *mal de Napoles* и др. ‘то же’ (подробнее см.: [Березович 2007: 440–441]).

Упомянем еще одно название «французской болезни», мотивация которого неизвестна: казан. *храницкая скорбь* ‘болезнь, которая, по объяснению одной старушки, бывает у людей, пьющих дорогую траву, а какую — она не может назвать’ [КСРНГ].

Французский язык. «Русской болезнью» (*maladie russe*) или «русским катаром» (*catarrhe russe*) называли во Франции эпидемию гриппа 1782 г., пришедшую, как считали, «с Севера», т.е. из России, а в действительности из Китая [Sprengel 1815: 596–597; Pétrequin 1838].

Внешний вид

Русский язык. Разные формы существования русского языка обращают внимание на такую «портретную» черту француза, как ноги. Так, фиксируется прозвище *Французская Ножка*, которое носит жительница деревни Яреньга Приморского р-на Архангельской обл. [ТЭ]. Сочетание *французские ножки* известно русскому просторечию, хоть и не отмечено словарями, ср. определение, данное при обсуждении пользователями сети Интернет: *французские ножки* ‘худенькие, но не худые, без ярко выраженной икры, с узкой щиколоткой’ <<http://otvet.mail.ru/>

в российской земле он, *скверной, негодной, пакосной француз* со всей силой поганой, разсеял по всей России разные свои *скверные французские болезни* и женам крови, и в ем бели и рези навел, и всем болезнь лютою и заразу нестерпимую» [Книголюбов 2002: 359–360]. Данный текст не является аутентичным, поскольку представляет собой результат полуфольклорного-полулитературного творчества Г.Д. Книголюбова. Однако он вполне характерен — и нам важна сама возможность такого осмысления причин появления болезни.

question/70416249>¹. О выделенности этого сочетания говорит и терминология виноделия, где оно употребляется в переносном значении: *французские ножки* ‘один из визуальных критериев оценки качества вина: своеобразный след, оставляемый вином на стекле бокала на несколько неуловимых мгновений’ <<http://www.dunduk-culinar.ru/dessert/dessert-21.shtml>>. В молодежном жаргоне данное сочетание фигурирует в составе более развернутой конструкции: *французские ножки с итальянским изгибом* ‘о кривых ногах’ [БСРП: 446]. На эту «анатомическую» деталь обращает внимание также В.И. Даль: «У немца (француза) ножки тоненьки, душа коротенька» [Даль I: 505]; *суповы ножки* ‘дразнят немца, француза’ [Даль IV: 362]. В связи с высокой престижностью французской моды сочетание *французская ножка* может стать названием магазинов: так, в Томске есть магазин «Французская ножка», где продаются импортные колготки; в Перми — обувной магазин с аналогичным названием.

Из других портретных черт можно назвать *французский (галльский) нос* — с горбинкой: «[В] магазин вошел очень красивый молодой человек с черными глазами и горбатым *французским носом*» (И. Ильф, Е. Петров); «*Нос* у канотье как изнутри пальцем выпихнут, но не *галльский*» (М. Цветаева); «*И длинный нос* его вполне сходил за *галльский*, притом классический, стародворянский» (Ю. Давыдов).

В народных прозвищах выделяется такая подробность, как золотые зубы француза, ср.: *Француз* — житель деревни Полежаево Никольского р-на Вологодской обл.: «Зуб у него есть золотой, блестит, вот и Француз»; *Французка* — жительница деревни Берзиха Шарьинского р-на Костромской обл.: «У Французки два золотых зуба» [ГЭ]. Очевидно, эта деталь появилась как развитие представлений о французском блеске, шике, богатстве (об устойчивости этого представления см. раздел III «Материальная культура»). *Французский блеск* оставляет своеобразный отблеск в народном сознании, проникая даже в весьма неожиданную сферу соматики.

Французский язык. Представление о внешнем виде русского в литературном языке не отличается конкретикой. Языковые стереотипы сводятся к немногочисленным клише. Так, можно встретить упоминания о «русской красоте» (*beauté russe*), разумеется женской: “[Armance] était remarquable par se

¹ На другом интернет-форуме в ходе обсуждения этого сочетания один из пользователей определил его без «анатомических подробностей»: «Вроде, они так называются, когда они достаточно худые» <<http://beon.ru/lady/10099-405-kak-sdelat-francuzskie-nozhki-kakie-uprazhnenija-est-read.shtml>>.

que j'appellerais, si je l'osais, la *beauté russe*: c'était une réunion de traits, qui tout en exprimant à un degré fort élevé une simplicité et un dévouement que l'on ne trouve plus chez les peuples trop civilisés, offraient, il faut l'avouer, un singulier mélange de la beauté circassienne la plus pure et de quelques formes allemandes un peu trop prononcées" («Ее красоту я не побоялся бы назвать чисто русской, ибо в ней сочетались черты, которые, с одной стороны, говорили о полном простодушии и способности к беззаветной преданности, каких уже не сыскать у слишком цивилизованных народов, а с другой, надо признаться, являли странную смесь истинно черкесской красоты с некоторыми особенностями немецкого типа, притом слишком рано проявившимися» — Stendhal). Метонимически «русская красота» (*beauté russe*) становится обозначением русской красавицы. В этот обворожительный образ входит также «русский шарм» (*charme russe*), который, впрочем, чаще обозначается как «славянский» (*charme slave*).

Язык

Русский язык. Яркая характеристика француза — его язык. В литературной языковой традиции особо отмечены в первую очередь произносительные особенности французской речи, ср. сочетание *французский прононс*¹. Выделена такая деталь «прононса», как грассирование, ср. сочетания *французское (галльское) грассирование*, *французская картавость*, *картавить по-французски*², а также прозвище *Француз*, данное человеку, речь которого отличается картавостью (Республика Коми) [БСРПр: 566]. По всей видимости, именно эта черта способствовала появлению следующей «межэтнонимической» номинации: жарг. *француз* 'еврей' [БСРЖ: 632] (*еврейская картавость* известна не меньше *французской*). Косвенную характеристику получает и французское произношение «в нос»³; представление о нем отражено, по всей видимости, в жаргонном названии гонореи — *французский (парижский) насморк* [БРЭР: 359] (о причинах появления этого сочетания подробнее см. выше, в рубрике «Болезни»). Французская речь кажется быстрой, ср. *Француз* —

¹ «С французским прононсом, в отличие от самого языка, у меня было все в порядке» (Н. Пеньков); «Слово "сон" было произнесено с французским прононсом» (И. Ильф, Е. Петров).

² «Полковник превосходно говорил по-французски, но французская картавость, выходящая у него по-немецки очень растянутой и мягкой, мучительно резнула слух Штааля» (М.А. Алданов); «Мишель, будьте же спокойны, — картавит он по-французски, когда мальчик начинает делать Вильгельму гримасы» (Ю.Н. Тынянов); «Ее английский язык не был безупречен; но французское грассирование в женских устах, по моему наблюдению, очень нравится англичанам и американцам» (П.Н. Милюков); «[В] Голливуде сказка подается именно как французская: уморительные персонажи из чайного сервиза поют с галльским грассированием» (В. Кичин).

³ Ср.: «По-французски надо говорить, сощипнув нос, по-английски, положив перемот на язык» [Даль IV: 285].

прозвище быстро говорящего юноши, которого трудно понять (Республика Коми) [БСРПр: 566].

Эти особенности были известны русскому обществу XIX в. не понаслышке: редкий дворянин не знал французского языка, что порождало привычку *французить* — ‘вставлять в речь французские слова и выражения’ [ССРЛЯ XVI: 1555; ЯСМ: 642]¹; ср. также слово из языка старой Москвы: *француз* ‘распространенная кличка (у парикмахеров) человека, который может имитировать французскую речь’: «Если парикмахер французские слова или говорить знает, большая ему цена в хороших купеческих домах. Зовут даже на балы и велят в передней громко с прислугой разговоры произносить, чтобы все слышали. <...> Очень удобно, если два промеж себя по-французски спорят. Можно что и приврать, понимающих-то нет! У нас Степан бормотать целый час может, а кто его знает что! <...> Его у нас *французом* зовут» (Е. Иванов) [ЯСМ: 641]. Подобные прозвища встречались не только в среде парикмахеров. Известно, к примеру, что Пушкина называли в лицее *Французом* за умение хорошо говорить по-французски.

Массовое изучение и использование французского языка породило явление, которое отражено в известном сочетании *французское с нижегородским* (это крылатая фраза из комедии Грибоедова «Горе от ума»). Так обозначается смесь различных языков (в которой возможно, но уже необязательно участие французского) или языковых пластов — как правило, неумелая и неуместная: «Но некоторые из сильфид, владея не совсем-то ловко французским диалектом и в то же время желая во что бы то ни стало быть любезными, то и дело мешали, по привычке, *французское с нижегородским*» (В.В. Крестовский); «Он любил изображать протоиерея со всеми его жестами и *нижегородско-французским прононсом*» (О.Д. Форш). Это выражение используется и в более широком смысле, означая не только языковую, но и, по сути, любую другую эклектику, сочетание несочетаемого².

Уровень жизни, благосостояние

Русский язык. Народная традиция приписывает французам достаточно высокий уровень жизни, ср. костр. *по-храницки*

¹ «Рокотов был холост, недалек, молодился, *французил* (хоть плохо знал по-французски) и вообще любил держать тон» (И.А. Новиков); «Немилосердно ввертывает французские словечки и произносит все буквы: “нус, ле вьез етюдиантс де Геттинген”, что должно означать: “мы, старые геттингенские школяры”. Либо не *французь*, либо выучись. Зачем подавать повод к насмешкам, отразить которые ты не в силах?» (Ю.Н. Тынянов).

² «Я же обязан был создать такое соединение, где не чувствовались бы эклектика, мешанина стилей, “смесь *французского с нижегородским*”» (Э.А. Рязанов); «[М]етель скребла окошки, ветер жалобно укал, будто просился в дома; флюгера на домах кричали. Одним словом, в природе господствовала чепуха, настоящее смешение *французского с нижегородским*» (И.И. Лажечников).

жить ‘жить богато, не нуждаясь’ [ЛКТЭ]. Об этом же косвенно свидетельствуют параллельные коллективные прозвища *французы / мещане*, данные жителям села Павловское Вельского р-на Архангельской обл. [Воронцова 2011: 345]: по представлениям крестьян, мещане жили хорошо, «по-городскому».

Французский язык. Изредка «русский» и «казак» оцениваются с точки зрения их состоятельности. При этом «русский» может ассоциироваться как с богачом, так и с босяком, а «казак» — только с бедняком. Так, в жаргоне парижских проституток 1870–1880-х гг. *prince russe* (русский князь) означал богача, «содержателя» [Delvau 1883: 372]¹. В диалекте Верхней Бретани русский, наоборот, считался воплощением бедности, там использовали устойчивое сравнение *gueux comme Russe* (оборванец, как русский) [Gaidoz, Sébillot 1884: 375–376]. В свою очередь «донской казак» (*Cosaque du Don*) в жаргоне становится обозначением человека, выпрашивающего рождественскую подачку [France 1907: 66].

В последние двадцать лет из русского во французский вошло понятие «нового русского». Соответствующее сочетание употребляется чаще во множественном числе (*nouveaux Russes*) как обозначение быстро разбогатевших людей, с удовольствием демонстрирующих свое богатство, ср. “Notre imaginaire de l’URSS changeait, le goulag et les chars dans Prague s’oubliaient, on recensait les signes de ressemblance avec nous et l’Ouest, la liberté de la presse, Freud, le rock et les jeans, la coupe de cheveux et les beaux costumes à la mode des ‘nouveaux Russes’” («Наше представление о СССР менялось, постепенно забывались ГУЛАГ и танки в Праге, мы отмечали знаки сходства с нами и Западом: свобода прессы, Фрейд, рок и джинсы, стрижки и красивые костюмы в стиле “новых русских”» — A. Ernaux).

Комментарий

В России и Франции в ходе истории под влиянием личных наблюдений, художественной литературы и прочих медиа сформировались совершенно различные стереотипы француза и русского. При этом в русской традиции можно обнаружить два варианта образа француза: литературный — более «галантный» — и народный — сниженный. Они не входят в противоречие, а скорее дополняют друг друга. Француз предстает как поверхностный, несерьезный, слегка хулиганистый, но, главное, крайне любвеобильный и сексуально

¹ Стереотип русского князя-богача, не скрывающего свое богатство, присутствует и во французской литературе XIX в., наряду с казаком и фатальной русской красавицей. Как писал один автор середины века, «в России все немного князья» [Krauss 2007: 170].

озабоченный индивид. Отсюда и связанные с ним разные предосудительные с точки зрения русского народа формы секса, а также целый набор венерических заболеваний. Точно так же француженка воспринимается как доступная женщина. Справедливости ради стоит подчеркнуть, что такая репутация нередко приписывается французам и в других странах. Этот образ чего-то поверхностного и ветреного дополняется и представлениями об отдельных чертах внешности, отраженных языком.

Напротив, образ русского человека во французской традиции разделяется на три резко отличающихся стереотипа. Первый стереотип, гораздо более укорененный и детально разработанный, — образ солдата, сильного, жесткого и даже безжалостного. Самые крайние проявления мужской брутальности приписываются не столько русскому, сколько его отрицательному двойнику — казаку. Именно эта семантика образа казака развивается и детализируется во множестве дериватов, относящихся к девиантному поведению. При этом русский и казак, воспринимаемые как чужеземцы-насилыники, становятся воплощением врага. Второй стереотип менее разработан и возникает периодически: это русский богач, сорящий деньгами. И, наконец, последний, весьма общий женский стереотип: это красавица, наделенная необыкновенным шармом.

При такой «несимметричности» восприятия русского и француза в обоих языках могут наблюдаться отдельные семантические схождения: например, *француз* в уголовном жаргоне в русской среде и *Russe / Cosaque* в военном жаргоне во французском языке развивают вторичное значение ‘новобранец’, которое в свете военной истории прочитывается как реализация более общего значения ‘враг’, ‘чужак’.

Преимущественно военный контекст знакомства с русскими во Франции кардинально отличается от двухсотлетней «включенности» России в мир франкофонии, которая отразилась и на четком представлении о французском языке, и, как мы увидели ранее, на восприятии французской культуры в различных ее проявлениях. Французский язык практически не дает примеров метаязыковой рефлексии над русским. Русский язык, как и русский акцент, воспринимаются в самом общем виде, причем главной чертой считается раскатистое произношение «р». Некоторые детали можно найти только во французской драматургии, где в 1853 г. (в самый разгар антирусских настроений) пародировались окончания русских фамилий: в пьесе А.-Ф. Арно и Л. Жюдиси «Казачи» высмеивается язык “de tcheff, tchiff et tchoff” (A. Fr. Arnault, L. Judicis).

Взаимные образы русского / России и французского / Франции в обоих языках весьма объемны. «Личное знакомство» русских и французов друг с другом, а также довольно позднее время формирования взаимных образов способствовали тому, что образы двух стран и народов разработаны достаточно конкретно (в известном смысле «этнографично») и содержат относительно малое количество ксенонимических номинаций, отражающих обобщенные признаки «аномальный», «фальшивый» и проч. (из немногих примеров: *французское золото* ‘самое плохое, низкопробное’, *abeilles russes* (русские пчелы) ‘вши’ etc.). Гораздо выше процент ксенонимов, к примеру, в составе русских производных от обозначений цыгана, еврея, немца, татарина.

При реконструкции языковых образов весьма информативными оказываются системные отношения, в которые вступают изучаемые слова в своих вторичных употреблении. Так, в русском языке «французское» может приравниваться к европейскому — например, *немецкому*, *английскому*, *испанскому* (*французское платье* = *немецкое платье*, *французская булавка* = *английская булавка*, *французский ветер* = *испанский ветер*). Во французском языке «русское» может приравниваться к «казацкому» и «сибирскому» (*froid de Russie* = *froid moscovite* = *froid sibérien* = *froid cosaque* ‘сильный мороз’) и выступать знаком «обобщенного Востока»; в качестве номинативных аналогов «русскому» иногда используется «польское» (*chaussettes russes* ‘портянки’, ‘отсутствие обуви на ногах’ — *chaussettes polonaises* ‘портянки из бумаги’), «сибирскому» — «татарское» (*sarrasin de Sibérie* = *sarrasin de Tartarie* ‘гречиха *Polygonum tataricum*’).

Оценочная составляющая языковых образов очень неоднозначна, и ее трудно формулировать обобщенно, поскольку она определяется целым рядом факторов:

— историческим временем: номинации, в которых так или иначе отражены представления о войне 1812 г., в русском языке носят, разумеется, негативно-оценочный характер, в то время как лексические единицы, возникшие во французском языке во времена франко-русского союза, имеют положительные коннотации;

— формой существования языка (идиомом), в которой употребляется изучаемая лексика: к примеру, франкофония была свойственна в большей степени образованной части русского общества, дворянству, поэтому слова и фразеологизмы с мелиоративной оценкой более распространены в русском литературном языке (особенно в книжной речи), нежели в говорах;

— тематической сферой, к которой принадлежат лексические единицы: так, оценочная окраска обозначений человека в обоих языках негативнее, чем оценка в значениях слов, называющих реалии культуры (это положение, очевидно, не только относится к этнонимическим дериватам в двух изучаемых языках, но и может «работать» гораздо шире). При этом «культурная» лексика в русском языке имеет гораздо больше положительных коннотаций, чем французские факты, относящиеся к этому тематическому пласту.

В целом русский язык дает более позитивную оценку «французскости», чем французский — «русскости». Особенно притягателен в языковом сознании россиян Париж — символ красоты, блеска, объект высоких культурных ожиданий.

Очевидно, большая субъективность «русского» образа в сравнении с «французским» в какой-то мере объясняется и фактором языковой техники: франц. *Russe* 'русский' испытывает притяжение к словам типа *rustre*, диал. *russe, russo, ruste* 'грубый' (< лат. *rusticus* 'деревенский'), к *roussi* 'порыжевший', к нидерл. *ruzie* 'распри, раздоры'. Это обогащает коннотативный фон «русского». В то же время слово *француз* в русском языке, кажется, не вступает в процессы аттракции.

Источники

- Авдеева Е.А., Маслов Н.Н.* Поваренная книга русской опытной хозяйки. СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1912. 419 с.
- [Аникин РЭС] *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007—. Вып. 1—.
- Анненков Н.И.* Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1878. 645 с.
- [АОС] Архангельский областной словарь. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980—. Вып. 1—.
- [БВКЗ] Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. (На примере Владимирской губернии) / Авт.-сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб.: Изд-во Европейского Дома, 1993. 470 с.
- [БРЭР] *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.
- [БСРЖ] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 716 с.
- [БСРП] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.
- [БСРПр] *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Большой словарь русских прозвищ. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 704 с.

- [БСРС] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 799 с.
- Воронцова Ю.Б.* Словарь коллективных прозвищ. М.: АСТ-Пресс книга, 2011. 448 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М.: Русский язык, 1880–1882 (1989). Т. 1–4.
- Дилакторский П.А.* Словарь областного вологодского наречия: По рукоп. П.А. Дилакторского 1902 г. Репр. СПб.: Наука, 2006. 677 с.
- [ДСРГСУ] Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 579 с.
- Дуров И.М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011. 453 с.
- [ДЭИС] Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала [Электронный ресурс] / Авт.-сост. О.В. Востриков, В.В. Липина. Екатеринбург: Баско, 2009. (CD-ROM).
- [Книголюбов 2002] <Заговоры из сборника Г.Д. Книголюбова> // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. М.: Ладомир, 2002. С. 359–389.
- Коровушкин В.П.* Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX вв. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 371 с.
- [КСГРС] Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- [КСРНГ] Картотека Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- Куликовский Г.И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1898. 320 с.
- [ЛКТЭ] Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Меркурьев И.С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1979. 184 с.
- [НБАРС] Новый большой англо-русский словарь. М.: Русский язык, 2002. Т. 1–3.
- [НКРЯ] Национальный корпус русского языка. <<http://ruscorpora.ru/>>.
- [НОС] Новгородский областной словарь. Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-та, 1992–1995. Вып. 1–12.
- Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток Лтд., 2004. 435 с.
- [РФ] *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. М.: Астрель; АСТ; Люкс, 2005. 926 с.

- [СБНП] Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / Уклад. Т.В. Валодзіна, Л.М. Салавей. Мінск: Беларуская навука, 2011. 482 с.
- [СГРС] Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001—. Т. 1—.
- [СРГА] Словарь русских говоров Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1993—1998. Т. 1—4.
- [СРГК] Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб.: СПбГУ, 1994—2005. Вып. 1—6.
- [СРГМ] Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб.: Наука, 2013. Ч. 1—2.
- [СРГО] Словарь русских говоров Одесщины. Одесса: АстроПринт, 2000. Т. 1—2.
- [СРНГ] Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—. Вып. 1—.
- [ССГ] Словарь смоленских говоров. Смоленск: Изд-во Смоленского гос. пед. ин-та, 1974—2005. Вып. 1—11.
- [ССРЛЯ] Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Наука, 1948—1965. Т. 1—17.
- [ТСРС] *Елистратов В.С.* Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 668 с.
- [ТЭ] Ономастические картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986—1987. Т. 1—4.
- [ЭМТЭ] Картотека фольклорных и этнографических материалов Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- [ЯОС] Ярославский областной словарь. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. пед. ин-та, 1981—1991. Вып. 1—10.
- [ЯСМ] *Елистратов В.С.* Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. М.: АСТ; Астрель; Русские словари; Транзит-книга, 2004. 701 с.
- АВВУУ Lingvo x 6: двадцать языков [Электронный словарь]. <www.lingvo.ru>.
- Alard M.-J.-L.* Dictionnaire des sciences médicales. P.: C. L. F. Panckoucke, 1814. Т. 9. 656 p.
- [BHVF] Base Historique du Vocabulaire Français. <<http://www.cnrtl.fr>>.
- Carême M.-A.* Le Pâtissier royal parisien ou Traité élémentaire et pratique de la pâtisserie ancienne et moderne. P.: J.-G. Dentu, 1815. Т. 1. 482 p.
- Cassagne J.-M.* Le dictionnaire de l'argot militaire. P.: Z lie, 1994. 191 p.
- Dauzat A.* L'argot de la guerre d'après une enquête auprès des officiers et soldats. P.: A. Colin, 1918. 295 p.
- Delvau A.* Dictionnaire de la langue verte. P.: C. Marpon et E. Flammarion, 1883. 560 p.

- Desrat G.* Dictionnaire de la danse historique, théorique, pratique et bibliographique. P.: Librairies-imprimeries réunies, 1895. 484 p.
- Dottin G.* Glossaire des parlers du Bas-Maine (département de la Mayenne). P.: H. Welter, 1899. 682 p.
- Dubosc G.* La moisson, les “aoûteux” // Journal de Rouen. 1898, 31 juillet.
- Dud’huit A., Morin A., Simoni-Aurembou M.R.* Trésor du parler percheron. Mortagne au Perche: Fédération des amis du Perche, 1979. 316 p.
- Dumas A.* Grand dictionnaire de cuisine. P.: Phébus, 2000. 614 p.
- Esnault G.* Le poilu tel qu’il se parle: dictionnaire des termes populaires, récents et neufs, employés aux armées en 1914–1918, étudiés dans leur étymologie, leur développement et leur usage. P.: Bossard, 1919. 603 p.
- Eudel P.* L’argot de Saint-Cyr. P.: Ollendorff, 1893. 76 p.
- [FEW] *Warburg W. von.* Französisches Etymologisches Wörterbuch. Bonn: F. Klopp; Leipzig: B. Teubner; Tübingen: J.C.B. Mohr; Basel: R.G. Zbinden; P.: E. Droz, 1928–2002. Bd. 1–25.
- France H.* Dictionnaire de la langue verte: archaïsmes, néologismes, locutions étrangères, patois. P.: Librairie du progrès, 1907. 495 p.
- [Frantext] Base textuelle Frantext. <<http://www.frantext.fr>>.
- Gaidoz H., Sébillot P.* Blason populaire de la France. P.: L. Cerf, 1884. 382 c.
- Hécart G., Ransart J.* Dictionnaire rouchi-français. Valenciennes: Lemaître, 1834. 496 p.
- Komenda B.* Holendrować z angielskim humorem: Słownik znaczeń sekundarnych nazw narodowości i krajów w języku niemieckim i polskim. Szczecin: Oficyna In Plus, 2003. 129 s.
- Le Maistre F., Carré A.L.* Dictionnaire jersiais-français. Vocabulaire français-jersiais. Jersey: Don Balleine trust, 1966. 616 p.
- Ledieu A.* Petit glossaire du patois de Démuin. P.: A. Picard, 1893. 230 p.
- Lepelley R.* Dictionnaire du français régional de Basse-Normandie. P.: C. Bonneton, 1989. 159 p.
- Meyer C.* Dictionnaire des Sciences Animales. Montpellier: Cirad, 2007. <<http://dico-sciences-animales.cirad.fr>>.
- Mistral Fr.* Tresor d’ou Felibrige ou Dictionnaire Provençal-Français embrassant les divers dialectes de la langue d’oc moderne. Aix-en-Provence: J. Remondet-Aubin; Avignon: Roumanille; P.: H. Champion, 1878–1886. T. 1–2.
- Mollard-Desfour A.* Le vert. Dictionnaire de la couleur, mots et expressions d’aujourd’hui: XXe–XXIe. P.: CNRS éd., 2012. 381 p.
- Morelot S.* Cours élémentaire d’histoire naturelle pharmaceutique. P.: Imprimerie de Giguët, 1800. T. 2. 406 p.
- Perret P.* Le parler des métiers. P.: Laffont, 2002. 1174 p.
- Perrier-Robert A.* Dictionnaire de la gourmandise. P.: Laffont, 2012. 1283 p.
- Pétréquin J.-P.* Recherches pour servir à l’histoire générale de la grippe de 1837 en France et en Italie, présentées à l’Académie royale de médecine le 19 décembre 1837 // La gazette médicale de Paris. 1838. P. 3–32.

- Rigaud L.* Dictionnaire d'argot moderne. Nouvelle édition. P.: Ollendorff, 1888. 407 p.
- Rigault J.* Dictionnaire topographique du département de Saône-et-Loire. P.: CTHS, 2008. 966 p.
- Robillard de Beurepaire Ch. de, Laporte J.* Dictionnaire topographique du département de Seine-Maritime. P.: CTHS, 1984. Т. 2. 1188 p.
- Rolland R.* Flore populaire ou Histoire naturelle des plantes dans leurs rapports avec la linguistique et le folklore. P.: Librairie Rolland, 1912. Т. 9. 282 p.
- Saineanu L.* Les sources indigènes de l'étymologie française. P.: E. de Boccard, 1925. Т. 1: Nouvelles perspectives. 448 p.
- Sprengel K.* Histoire de la médecine depuis son origine jusqu'au dix-neuvième siècle. P.: chez Deterville, libraire, 1815. Т. 5. 638 p.
- [SSN] Slovník slovenských nářečí. Bratislava: Veda, 1994—. [Т.] 1—.
- Stoffel G.* Dictionnaire topographique du département de Haut-Rhin. P.: Imprimerie impériale, 1868. 260 p.
- Taverdet G.* Index de l'Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie. Dijon: ABDO, 1984. 142 p.
- Taverdet G.* Index de l'Atlas linguistique et ethnographique de Bourgogne. Fontaine-lès-Dijon: ABDO, 1988. 209 p.
- [TLFI] Le Trésor de la Langue Française informatisé <<http://www.cnrtl.fr>>.
- Valmont-Bomare J. Ch.* Dictionnaire raisonné universel d'histoire naturelle. Lyon: Chez Bruyset frères, 1791. Т. 2. 674 p.
- Vermesse L.* Vocabulaire du patois lillois. Lille: Imprimerie Béhague, 1861. 213 p.
- Verrier A.J., Onillon R.* Glossaire étymologique et historique des patois et des parlers de l'Anjou: comprenant le glossaire proprement dit des dialogues, contes, récits et nouvelles en patois, le folklore de la province. Angers: Germain & G. Grassin, 1908. Т. 2. 587 p.
- Vilmorin H. de.* Les Meilleurs blés, description et culture des principales variétés de froments d'hiver et de printemps. P.: Chez Vilmorin-Andrieux et Cie, 1880. 175 p.
- Virmaître Ch.* Dictionnaire d'argot fin-de-siècle. P.: A. Charles, 1894. S. pag.
- Zéligzon L.* Dictionnaire des patois romans de la Moselle. Strasbourg: Istra, 1922–1924. Т. 1–3.

Библиография

- Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 599 с.
- Березович Е.Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.
- Зеленин А.В.* Русская рулетка: вчера и сегодня // Русская речь. 2004. № 1. С. 112–118.
- Кабакова Г.И.* Свечкоед: образ казака во французской культуре XIX в. // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 55–77.

- Кабакова Г.И.* Русские традиции гостеприимства и застолья. М.: Форум; Неолит, 2015. 464 с.
- Образ «француза» в тверском фольклоре (по материалам архива кафедры истории русской литературы ТвГУ) / Вступ. ст. и публ. А.А. Петрова // Россия и Франция: диалог культур: Статьи и мат-лы. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015. С. 284–301.
- Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* «С чисто русской аккуратностью»: к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке // Московский лингвистический журнал. 1996. Т. 2. С. 340–351.
- Пушкарева Н.Л.* «Мед и млеко под языком у нее». (Женские и мужские уста в церковном и светском дискурсах России X – начала XIX в.) // Тело в русской культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 78–102.
- Bergmann H.* Zu deutsch *Russe, russisch, Russland* und seinen sekundären Bedeutungen // Anreiter P. (Hsg.). In simplicitate complexitas. Festgabe für Barbara Stefan zum 70. Geburtstag. Wien: Praesens Verlag, 2012. S. 49–68. (Studia Interdisciplinaria Aenipontana, 17).
- Büchi E.* Les Structures du “Französisches Etymologisches Wörterbuch”: Recherches métalxicographiques et métalxicologiques. Tübingen: M. Niemeyer, 1996. 593 p.
- Chambon J.-P.* Eléments du français parlé à Ronchamp (Haute-Saône) et dans ses environs à la fin du XXe et au début du XXIe siècle // Richesses du français et géographie linguistique. Bruxelles: De Boeck, Éd. Duculot, 2007. T. 1. P. 105–120.
- Hantraye J.* Les sépultures de guerre en France à la fin du Premier Empire // Revue d’histoire du XIXe siècle, 2005. No. 30. P. 1–14. <<http://rh19.revues.org/1007>>. (DOI: 10.4000/rh19.1007).
- Jussiau R., Montméas L., Parot J.-C.* L’élevage en France: 10 000 ans d’histoire. Dijon: Educagri éd., 1999. 539 p.
- Krauss Ch.* La Russie et les Russes dans la fiction française du XIXe siècle (1812–1917). Amsterdam; N.Y.: Rodopi, 2007. 446 p.
- Massoumou O.* Pour une typologie des néologies du français au Congo-Brazzaville // Le français en Afrique. 2001. No. 15. P. 133–168. <<http://www.unice.fr/bcl/ofcaf/15/Massoumou.html>>.
- Raillet G.* Les mauvais souvenirs de l’histoire dans le langage populaire // La Grive. 1957. No. 95. P. 30–35.
- Tabouis G., Mousset A.* Quand Paris résiste, l’occupation romaine, Paris sous les Anglais, l’occupation espagnole, l’occupation des Alliés, les Prussiens en 1871. P.: SEIMRHA, 1951. 294 p.
- Tournier M.* Couleurs, fleurs et drapeaux dans les débuts de la Troisième République // Mots. Les langages du politique. 2006. No. 81. P. 109–117. <<http://mots.revues.org/17093>>.

Russia and France: Dialogue of Linguistic Stereotypes

Elena Berezovich

Ural Federal University
Mira st. 19, Ekaterinburg, Russia
berezovich@yandex.ru

Galina Kabakova

Department of Slavic Studies of Sorbonne University (Paris IV),
Bd. Malesherbes 108, Paris, France
galina.kabakova@paris-sorbonne.fr

The article considers cultural and linguistic images of the Frenchman and “Frenchness” in the Russian language, and Russian and “Russianness” in the French language in contrastive aspect. The core of linguistic images is analysed — language system facts, the internal form of which contains a direct reference to “Russianness” or “Frenchness”. They are: words derived from the ethnonyms *francuz* ‘Frenchman’, *gall* ‘Gaul’ and place name *Parizh* ‘Paris’ in Russian; words derived from *Russe*, *Russien* ‘Russian’, *Cosaque* ‘Cossack’ → ‘Russian military’ → ‘Russian’, *Moscou* ‘Moscow’, obsolete *Moscovite* ‘resident of Muscovy, Russian’ in French. Furthermore, the authors take into consideration collocations of the words mentioned. Thematic spheres of secondary semantics are covered: Nature; History; Material culture; Leisure, spiritual culture; Social and physical person. The authors reveal the motivation of linguistic facts and analyse the evaluative component of their semantics.

Keywords: ethnolinguistics, motivation studies, ethnonymic and place-names derivation, Russian-French language contacts, linguistic stereotype, derivational family.

References

- Bergmann H., ‘Zu deutsch *Russe*, *russisch*, *Russland* und seinen sekundären Bedeutungen’, Anreiter P. (Hsg.), *In simplicitate complexitas. Festgabe für Barbara Stefan zum 70. Geburtstag*. Wien: Praesens Verlag, 2012, S. 49–68. (*Studia Interdisciplinaria Ænipontana*, 17).
- Berezovich E. L., *Yazyk i traditsionnaya kultura: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Research]. Moscow: Indrik, 2007, 599 pp. (In Russian).
- Berezovich E. L., *Russkaya leksika na obshcheslavlyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Vocabulary in the Common Slavic Background: Semantic and Motivational Reconstruction]. Moscow: Russian Education and Science Support Fund, 2014, 488 pp. (In Russian).

- Büchi E., *Les Structures du "Französisches Etymologisches Wörterbuch": Recherches métalxicographiques et métalxicologiques*. Tübingen: M. Niemeyer, 1996, 593 pp.
- Chambon J.-P., 'Éléments du français parlé à Ronchamp (Haute-Saône) et dans ses environs à la fin du XXe et au début du XXIe siècle', *Richesses du français et géographie linguistique*. Bruxelles: De Boeck, Éd. Duculot, 2007, t. 1, pp. 105–120.
- Hantraye J., 'Les sépultures de guerre en France à la fin du Premier Empire', *Revue d'histoire du XIXe siècle*, 2005, no. 30, pp. 1–14. <<http://rh19.revues.org/1007>>. (DOI: 10.4000/rh19.1007).
- Jussiau R., Montméas L., Parot J.-C., *L'élevage en France: 10 000 ans d'histoire*. Dijon: Educagri éd., 1999, 539 pp.
- Kabakova G. I., 'Svechkoed: obraz kazaka vo frantsuzskoy kulture XIX v.' [Candle Eater: the Image of the Cossack in French Culture of the 19th Century], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1998, no. 34, pp. 55–77. (In Russian).
- Kabakova G. I., *Russkie traditsii gostepriimstva i zastolya* [Russian Traditions of Hospitality and Feast]. Moscow: Forum; Neolit, 2015, 464 pp. (In Russian).
- Krauss Ch., *La Russie et les Russes dans la fiction française du XIXe siècle (1812–1917)*. Amsterdam; New York: Rodopi, 2007, 446 pp.
- Massoumou O., 'Pour une typologie des néologies du français au Congo-Brazzaville', *Le français en Afrique*, 2001, no. 15, pp. 133–168. <<http://www.unice.fr/bcl/ofcaf/15/Massoumou.html>>.
- 'Образ "frantsuza" v tverskom folklore (po materialam arkhiva kafedry istorii russkoy literatury TvGU)' [The Image of the "Frenchman" in Tver Folklore (Based on the Archive Documents of the Department of Russian Literature, Tver University)] / Publication and introductory article by A. A. Petrov, *Rossiya i Frantsiya: dialog kultur: Stati i materialy* [Russia and France: Dialogue of Cultures: Articles and Publications]. Tver: Marina Batasova Publishers, 2015, pp. 284–301. (In Russian).
- Plungyan V. A., Rakhilina E. V., "'S chisto russkoy akkuratnostyu": k voprosu ob otrazhenii nekotorykh stereotipov v yazyke' ["From a Purely Russian Neatness": About Some Language Stereotypes], *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal* [Moscow Linguistic Journal], 1996, vol. 2, pp. 340–351. (In Russian).
- Pushkareva N. L., "'Med i mleko pod yazykom u nee" (Zhenskie i muzhskie usta v tserkovnom i svetskom diskursakh Rossii Kh — nachala XIX v.)' ["With Milk and Honey under Her Tongue" (Women's and Men's Lips in the Church and Secular Discourses of Russia from the 10th — the Early 19th Century)], *Telo v russkoy kulture* [The Body in the Russian Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, pp. 78–102. (In Russian).
- Raillet G., 'Les mauvais souvenirs de l'histoire dans le langage populaire', *La Grive*, 1957, no. 95, pp. 30–35.
- Tabouis G., Mousset A., *Quand Paris résiste, l'occupation romaine, Paris sous les Anglais, l'occupation espagnole, l'occupation des Alliés, les Prussiens en 1871*. Paris: SEIMRHA, 1951, 294 pp.

- Tournier M., ‘*Couleurs, fleurs et drapeaux dans les débuts de la Troisième République*’, *Mots. Les langages du politique*, 2006, no. 81, pp. 109–117. <<http://mots.revues.org/17093>>.
- Zelenin A. V., ‘*Russkaya ruletka: vchera i segodnya*’ [Russian Roulette: Yesterday and Today], *Russkaya Rech*, 2004, no. 1, pp. 112–118. (In Russian).